

Министерство образования и науки РФ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Факультет социальных наук

НАДЕЖДЫ

Сборник научных статей студентов

Выпуск 11

Нижний Новгород
2017

УДК 316.; 159.; 34.

ББК С5

Н 17

Научный редактор:

З.Х. Саралиева, д.и.н., профессор, зав. каф. общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Редакционная коллегия:

В.А. Блонин, к.и.н., декан факультета социальных наук;

Г.А. Каржина, к.ф.н., доцент, заместитель декана факультета социальных наук по научной работе

Н 17 **Надежды:** Сборник научных статей студентов. Вып. 11 / Научный редактор З.Х. Саралиева. — Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. — 115 с.

ISBN 978-5-93116-191-4

В сборнике представлены научные статьи студентов-социологов, социальных работников, психологов, юристов ННГУ и других вузов России. Этот выпуск продолжает серию публикаций научных работ студентов.

Материалы сборника предназначены для студентов и аспирантов.

ISBN 978-5-93116-191-4

ББК С5

© НИСОЦ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Антипова А.Н. Этапы социальной работы с лицами, вышедшими из мест лишения свободы.....	5
Воронова А.А. Имидж специалиста помогающей профессии (экспертная оценка)	11
Голубева И.Г. Социальная работа с сиблингами в некоммерческих организациях	15
Гурская В.В. Место специалиста по социальной работе в сфере психического здоровья.....	20
Игнатьева В.И. Представления о волонтерстве действующих добровольцев Нижнего Новгорода	25
Количенко А.А. Роль нравственных стандартов в деятельности современного сотрудника полиции.....	30
Корнилова Л.А. Организация социально-психологической помощи родственникам психически больных: анализ существующих форм помощи	36
Костригин А.А. Направления деятельности психолога в хосписе (по материалам зарубежных исследований)	43
Лакомова А.А. Роль институтов помощи в социальной адаптации мигрантов (на примере Нижегородской области)	49
Лимонченко Р.А., Белобрыкина О.А. Представления о девиантном поведении подростков в отечественной психологии: исторический абрис исследований.....	55
Макаров П.И. Роль партисипаторных практик и социологических исследований в реализации помогающих профессий	60
Макарова Е.Е. Роль специалиста по социальной работе в адаптации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа в постинтернатный период	63
Морозова Е.А., Ермилова А.В. Восприятие пенитенциарной социальной работы осужденными (на примере ФКУ ИК-4 УФСИН России по Владимирской области)	68
Муханова Е.Д. «Море китов» как новая форма школьного кибербуллинга.....	74
Плешкова Н.Б. Участие специалистов помогающих профессий в профилактике административных правонарушений несовершеннолетних	79
Правделов С.В. Роль специалиста по социальной работе в трудоустройстве психически больного в сети Интернет	83

Пузарова Ю.А. Интегративный лагерь для детей и молодых людей с расстройствами аутистического спектра	88
Семенова А.М. Удобный город как бренд.....	94
Сидельников В.О. Деятельность педагогических отрядов Нижегородской академии МВД России как элемент взаимодействия с представителями помогающих профессий	97
Созинова М.Д., Катунова В.В. Готовность к профессиональному риску студентов направления психологии	101
Шевякова М.В. Личностные особенности человека как фактор, обуславливающий посещение социальных сетей.....	107
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	112

**ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛИЦАМИ,
ВЫШЕДШИМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

А.Н. Антипова

anastasya.antipova2013@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматриваются проблемы постпенитенциарной адаптации, дается характеристика бывших заключенных, описывается технологический процесс социальной работы с ними и приводятся примеры учреждений, в которых лицам, вышедшим из мест лишения свободы, оказывают помощь в социальной адаптации и интеграции.

Ключевые слова: постпенитенциарная адаптация, лица, вышедшие из мест лишения свободы, этапы социальной работы, бывшие заключенные, проблемы бывших заключенных, учреждения постпенитенциарной адаптации.

В виду роста преступников-рецидивистов [1], несовершенств уголовно-исполнительной системы и отсутствия адекватной специализированной и целенаправленной помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы, социальная работа с данной категорией граждан является актуальным вопросом, решение которого способствует профилактике преступности и улучшению качества жизни населения.

Согласно статье 15 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», лица, вышедшие из мест лишения свободы, являются нуждающимися в социальном обслуживании, поскольку у большинства из них отсутствует постоянное место жительства, работа и средства к существованию [2]. Более того, лица, вышедшие из мест лишения свободы, не имеющие работы, согласно пункту 2 статьи 5 Федерального закона от 19.04.1991 г. №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», относятся к категории граждан, испытывающих трудности в поиске работы.

Выходя из мест лишения свободы, заключенные сталкиваются с рядом проблем. Находясь под постоянным контролем, придерживаясь строгого тюремного распорядка, они теряют умение самостоятельно себя обеспечивать, отвыкают от необходимости заботиться о себе, поэтому не готовы проявлять достаточную жизненную активность.

При выходе из мест лишения свободы лица имеют заболевания, которые приобрели либо до отбывания наказания в ИУ, либо во время исполнения наказания в виде лишения свободы. К основным заболеваниям, распространенным в ИУ, можно отнести туберкулез, ВИЧ-инфекцию, гепатит, онкологические заболевания и инсульты. Это оказывает существенное влияние на их постпенитенциарную адаптацию и социальную работу с ними.

Находясь долгий период времени в местах лишения свободы, заключенные теряют связь со своей не только родительской, но и родной семьей, если такая была до заключения. А семья является стимулом для хорошего поведения в период отбывания наказания и последующего УДО, что впоследствии приводит к правопослушному поведению после выхода из ИУ [3]. Более того, семья является местом, куда бывший заключенный может вернуться, хотя бы на временное проживание.

Отсутствие каких-либо положительных связей приводит к тяжелому психологическому состоянию лица, вышедшего из мест лишения свободы. У многих наблюдается страх, тревога, скука, апатия, раздражительность, снижение работоспособности [4].

Одной из ключевых проблем после выхода из мест лишения свободы является отсутствие жилья и прописки по месту жительства. Исключением являются ситуации, когда ими было приобретено жилье в допенитенциарный период или в промежутках между освобождением и последующим арестом, или имеется жилая площадь, на которой они проживали с семьей в допенитенциарный период, но семья отказывается проживать совместно с лицом, имеющим судимость. В случае отсутствия постоянного места жительства большинство бывших осужденных вынуждены вести образ жизни бездомного [5].

Еще одной существенной проблемой после выхода из мест лишения свободы является трудоустройство. Для данной категории граждан не предусмотрено квотирование рабочих мест на федеральном уровне, лишь в ряде субъектов реализуются нормативно-правовые акты, регламентирующие данный вопрос. Основным препятствием при трудоустройстве является трудовая стигматизация, усугубляемая социальной стигматизацией.

Национальный стандарт РФ по социальному обслуживанию населения указывает, что лицам, вышедшим из мест лишения свободы, могут оказывать социальные услуги в учреждениях социального обслуживания лиц без определенного места жительства, к которым относятся дома ночного пребывания, социальные приюты, социальные гостиницы, центры социальной адаптации, специальные дома-интернаты (специальные отделения) для пре-

старелых и инвалидов, также центры социально-трудовой реабилитации граждан и др. [6].

Для достижения желательных перемен в состоянии и статусе клиента специалисту по социальной работе необходимо следовать установленным этапам взаимодействия с ним.

Знакомство с клиентом и вовлечение его в процесс изменений

Лицо может быть направлено в Центр социально-трудовой реабилитации граждан по заявлению УФСИН, где лицо отбывало наказание в виде лишения свободы, или по заявлению УВД района, где лицо находилось в данный момент. Если при социальном учреждении существует мобильная бригада, то знакомство происходит непосредственно на месте вызова.

Попадая в учреждение социальной-трудовой реабилитации граждан, клиент заполняет анкету первичного приема граждан без определенного места жительства и занятий установленного образца под руководством специалиста, которая включает в себя первичную информацию о клиенте.

Перед встречей со специалистом по социальной работе клиент должен пройти в отделение ночного пребывания центра. Здесь он проходит первичный медицинский осмотр на отсутствие явных заболеваний, которые могут подвергнуть риску всех находящихся в учреждении, а также на отсутствие алкогольного и наркотического опьянения. Также клиенту необходимо предоставить личное заявление на прием в учреждение, флюорографию об отсутствии заболеваний, передающихся воздушно-капельным путем. Далее он обязан пройти ваннные процедуры, ему выдается сменная одежда, в которой он непосредственно находится в центре; одежда клиента, при необходимости и сам клиент, подвергаются санитарной обработке.

Сбор и оценка информации

На этом этапе специалист по социальной работе собирает имеющуюся информацию о лице, вышедшем из ИУ. Обычно, если в социальное учреждение направляет УФСИН субъекта или же УВД района, то первоначальная информация специалисту предоставляется ими. На данном этапе специалист сталкивается с ситуацией, когда лицо не имеет даже паспорта либо других документов, удостоверяющих личность.

Проблема взаимодействия – клиент может целенаправленно предоставлять ложную информацию, чтобы, с одной стороны, выставить себя в лучшем свете, с другой стороны, затруднить работу специалиста.

Планирование и заключение соглашений

Специалист по социальной работе и клиент формулируют цели работы, сопоставляя их с пожеланиями самого клиента. Основными целями социаль-

ной работы с лицами, вышедшими из мест лишения свободы: восстановление или получение утраченных документов, налаживание контактов с семьей бывшего осужденного, если таковая имеется, поиск места работы, которое будет обеспечивать постоянный заработок, и поиск места жительства. На основе данных долгосрочных целей строится план работы, который может корректироваться в ходе своего выполнения.

Зачастую для осуществления уже запланированных действий необходимо выполнить подзадачи: получение образования, повышение квалификации или прохождение профессиональных курсов для получения специальности, проведение курса лекций, тренингов для лучшей информированности лиц, вышедших из мест лишения свободы, или же для развития личностного потенциала клиентов.

Часто процесс сбора и оценки информации осуществляется параллельно с планированием и последующим вмешательством, поскольку сопровождение одного конкретного случая специалистом ведется долгое время, от 1 года до нескольких лет. Более того, нередки случаи, когда клиент пропадает: либо им совершено новое преступление, либо клиент пропадает и не возвращается, либо отказывается от получения социальных услуг.

Вмешательство и контроль

Специалист осуществляет деятельность по восстановлению утраченных документов, налаживания связей с семьей и родственниками лица, вышедшего из мест лишения свободы, поиску иных положительных связей бывшего заключенного, также содействию трудоустройства клиента, а именно ведение переговоров с центром занятости населения или непосредственно с работодателем. В ситуации, когда не удастся найти работу или же клиент отказывается трудоустраиваться, или же имеет ограничения в здоровье и не может осуществлять трудовую деятельность, делается запрос в службу занятости для постановки лица на учет, признания его безработным и выплаты соответствующего пособия.

Завершение и оценка

Завершается работа с конкретным случаем клиента при условии, что последний более не нуждается в оказании ему социальных услуг по социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы. Критериями успешности социальной адаптации могут выступать: налаживание положительных связей, в том числе и с семьей; трудоустройство клиента и продолжительность работы на данном месте не менее 1 года; наличие места жительства, соответственно, восстановление документов и регистрация по месту жительства.

Таким образом, социальная работа с лицами, вышедшими из мест лишения свободы, может быть разделена на несколько фаз, которые требуют определенных квалифицированных действий специалиста по социальной работе. При этом значительную роль играют и сами клиенты: установки, модели поведения и мотивации лиц, вышедших из мест лишения свободы, как клиентов социальной работы.

Литература

1. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 №1-ФЗ (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Сайт правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/. (Дата обращения: 23.03.2017).

2. Федеральный закон от 28.12.2013 г. №442-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Сайт правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/. (Дата обращения: 23.03.2017).

3. Прихно, А.В. Реабилитация осужденных в постпенитенциарном пространстве / А.В. Прихно, В.С. Кочеткова // Вестник магистратуры. – 2015. – №1 (40). – Т.1. – С. 147-150.

4. Филиппова К.И. Ресоциализация лиц, осужденных к лишению свободы / К.И. Филиппова // Актуальные проблемы российского права. – 2011. № 2. С. 455-465.

5. Савинов Л.И. Семья как субъект помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы / Л.И. Савинов, Е.Н. Касаркина // Омские социально-гуманитарные чтения: Материалы VIII Международной научно-практической конференции – Омск, 2015. С. 128-134.

6. Национальный стандарт Российской Федерации социальное обслуживание населения ГОСТ Р 52498-2005 Классификация учреждений социального обслуживания: Утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 535-ст // Сайт правовой системы «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12153426/>. (Дата обращения: 23.03.2017).

STAGES OF SOCIAL WORK WITH PERSONS, LEAVED FROM PLACES OF DETENTION

A.N. Antipova

There are the problems of ex-prisoners and description of post-prisoners. In terms of their portrait, the technological process of social working are describes and there are examples of institutions where the ex-prisoners can get help in social adaptation after the exit from the correctional institution.

Keywords: post-penitentiary adaptation, persons, leaved from places of detention, stages of social work, ex-prisoners, the ex-prisoner's problems, the institutions of post-penitentiary adaptation.

**ИМИДЖ СПЕЦИАЛИСТА ПОМОГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИИ
(ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА)**

А.А. Воронова

avoronova95@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматривается проблема подготовки конкурентоспособных специалистов помогающей профессии с целью дальнейшего сокращения адаптационного периода в организации. Представлены результаты эмпирического исследования установок экспертов (организационных психологов) в отношении имиджа психолога.

Ключевые слова: имидж психолога, адаптационный период, перспективы трудоустройства выпускников вуза.

Актуальность изучения механизмов формирования имиджа у специалистов помогающей профессии во многом определяется условиями высокого уровня конкуренции между учебными заведениями высшего образования на рынке образовательных услуг. Ключевую роль в формировании положительного имиджа вуза играет группа компонентов, которая отражает перспективы трудоустройства выпускников образовательной организации [1]. У университетов, несмотря на традиционно высокий уровень подготовки выпускников, встает проблема их дальнейшего трудоустройства. Существуют трудности в адаптации выпускников в организациях, управляющие которых заинтересованы в предельном сокращении адаптационного периода. Важность проблеме также придают ситуации, возникающие в процессе подготовки студентов помогающих профессий по новым специализациям, таким как организационная психология и психология труда, в частности, психология управления. Несомненно, данная специализация относится к помогающей, так как её специалисты решают такие проблемы, как трудовой стресс, оценка утомления, рационализация труда. Подготовка таких специалистов открыла сразу целую группу научных и практических проблем, в том числе и формирование имиджа. Данная тема мало изучена, поэтому является актуальной и важной. О роли имиджа пишет Е.В. Петрова, которая пришла к выводу, что «осознанно сформированный имидж повышает качество профессиональной деятельности психолога как содержательно через социальные роли и позиции, уровень которых достигается субъектом, так и облегчая движение человека к достижению центральных смыслообразующих целей его жизни» [2]. Имидж влияет на

совокупное общественное восприятие данной профессии. Впечатление о профессии у людей формируется на основе собственного опыта, мнений и слухов, сообщений СМИ [3]. В изучении имиджа психолога большое внимание уделяют характеристике личностного и профессионального компонентов имиджа (В.Л. Бозаджиев, Е.В. Сидоренко, Е.Е. Трусова, Л.Б. Шнейдер). Л.Н. Захарова отмечает, что существуют значительные различия в ПВК, традиционно считающихся важными для психолога, и теми, которые важны для организационного психолога [4]. Решающим различием между ними является наличие или отсутствие деловых качеств, которые однозначно должны присутствовать у организационного психолога по причине взаимодействия с менеджментом и работы в сфере организаций.

Для изучения имиджа специалистов помогающих профессий с целью дальнейшего совершенствования цикла профессиональной подготовки психологических кадров в 2017 г. было проведено исследование с помощью следующих методик: контент-анализ результатов анкетного опроса, тест Т. Лири «Диагностика межличностных отношений (ДМО)», тест М. Рокича «Ценностные ориентации (ЦО)», наблюдение, беседа. Базой исследования была компания «Анотта», которая специализируется на проведении корпоративных проектов, бизнес-тренингах, оценке персонала (ассесмент-центр). Миссия компании – развитие человека и его потенциала в организации, что приводит к росту и развитию всего предприятия. В состав выборки вошли 10 человек, женщины и мужчины, возрастная группа которых 24-35 лет. Профессиональный стаж экспертов (организационных психологов) в сфере бизнес-тренингов варьируется от 5 до 12 лет.

Задачи исследования:

1. Составление модели профессионально важных качеств практикующего психолога на основе экспертного опроса.
2. Исследование стилей межличностного взаимодействия и ценностных ориентаций практикующих организационных психологов.
3. Построение портрета современного организационного психолога.

По мнению экспертов, в структуре ПВК психолога на первом месте стоит когнитивный компонент (55% высказываний), на втором – аффективный компонент (42% высказываний). На поведенческий компонент пришлось лишь 3% высказываний (грамотное использование мимики и жестов). Таким образом, практикующие психологи считают, что наиболее важными качествами психолога являются те, которые относятся к его когнитивной сфере (саморазвитие, умение слушать и слышать, ориентация на результат, профессиональные знания, внимательность, хорошая память, готовность к измене-

ниям). Также важную роль они отводят аффективному компоненту (самоконтроль, эмпатия, коммуникабельность, интерес к себе и людям, безоценочность, мотивированность, отзывчивость).

На основе данных, полученных с помощью методики ДМО, было проведено попарное сравнение показателей каждого из октантов по критерию Вилкоксона. Ограниченные объемом данной публикации, мы представляем часть полученных результатов. Основываясь на данных анализа достоверности отличий, мы можем сказать, что, в целом, «авторитарность» выражена сильнее других характеристик. Менее других выражены «зависимость», «альтруизм» и «подчиняемость». АвторитарныйЯР > ЗависимыйЯР ($T=1, p \leq 0.05$), АвторитарныйЯР > АльтруистическийЯР ($T=0, p \leq 0.05$), АвторитарныйЯИ > Подчиняемый ЯИ ($T=0, p \leq 0.05$). Практикующие психологи считают, что «авторитарность» является важной характеристикой в общении клиента и психолога. Психолог не должен зависеть от клиента, подчиняться ему. Для сопоставления распределений признаков был проведен корреляционный анализ (критерий Спирмена, $p < 0.05$), позволивший уточнить имеющиеся между переменными корреляционные связи. Значимо связаны между собой такие характеристики, как Дружелюбный ЯР и Зависимый ЯР ($R=0,86; p < 0,05$), Альтруистический ЯР и Зависимый ЯР ($R=0,92; p < 0,01$). То есть проявление и дружелюбия, и альтруизма в отношении клиента могут привести к тому, что психолог попадет в состояние зависимости от клиента. Известно, что одно из важных правил работы психолога – дистанцироваться от проблем клиента, не проявлять чрезмерную эмпатию, не думать о проблемах клиента за пределами консультации.

Для определения иерархии ценностей экспертов была использована методика ЦО. Были проанализированы отличия в значимости инструментальных и терминальных ценностей по критерию Вилкоксона с уровнем достоверности $p \leq 0.05$. При анализе достоверности отличий между рангами инструментальных ценностей было выявлено, что такие ценности, как "рационализм", "ответственность" и "честность" оценены экспертами значительно выше, чем другие ценности. Также мы смогли выделить группу статистически наименее важных ценностей: "чуткость" и "жизнерадостность", "развлечение", "красота природы и искусства", "свобода" и "творчество". При анализе достоверности отличий между рангами терминальных ценностей было выявлено, что такие ценности, как "активная деятельная жизнь", "здоровье" и "жизненная мудрость" оценены экспертами значимо выше, чем другие ценности.

Практикующие психологи считают, что авторитарность является важной характеристикой взаимодействия клиента и психолога. Они подчеркивают, что самыми нежелательными качествами для психолога являются зависимость и подчиняемость. Психолог должен занимать твердую позицию в профессиональной деятельности. По мнению экспертов, наиболее важными ценностями для практикующего психолога являются: «рационализм», «ответственность», «честность», «активная деятельная жизнь», «здоровье» и «жизненная мудрость». Полученные данные имеют высокую практическую значимость: их можно использовать для формирования программ обучения организационных психологов; для создания диагностической методики, которую можно применять в профориентационной работе на этапе выбора специализации студента-психолога.

Литература

1. Колосова В.В. Ценностные ориентации как психологические механизмы развития профессиональной компетентности выпускника // Нижегородский психологический альманах. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psykaf417.esrae.ru/pdf/2015/2/6.pdf>. (Дата обращения: 17.04.2017).
2. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения: автореф. дис. ... докт. психол. наук. – М.: МГОПУ, 2000. – 32 с.
3. Ососков В.П. Имидж профессии психолога как мотив профессионального выбора / В.П. Ососков, Е.Б. Перельгина, В.В. Фадеев // Мир психологии: Научно-методический журнал. 2003. №4. С. 151-159.
4. Захарова Л.Н. Ориентация на партнерство с менеджментом как основа инновационных процессов в подготовке организационных психологов // Вестник ННГУ. Серия Инновации в образовании. 2005. Вып. 1 (6). С. 136–151.

IMAGE OF THE SPECIALIST OF THE HELPING PROFESSION (EXPERT REVIEW)

A.A. Voronova

The training of competitive specialists of helping professions with the aim of further reducing the adaptation period in the organization is the main problem discussed in this article. Also the results of an empirical study of the attitudes of experts (organizational psychologists) in relation to the image of a psychologist are presented.

Keywords: image of the psychologist, adaptation period, employment prospects of graduates.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С СИБЛИНГАМИ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

И.Г. Голубева

golube.in@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Анализируется опыт некоммерческих организаций, работающих с сиблингами. Исследование посвящено особенностями взаимодействия детей в семье. Важной составляющей в отношениях между братьями и сестрами является эмоциональная близость, которая влияет на частоту общения и привязанность друг к другу. Особенности родительско-детских и сиблинговых отношений необходимо учитывать при реализации технологий работы с семьей.

Ключевые слова: сиблинги, социальная работа с семьями сиблингов, некоммерческие организации.

Социально-психологический микроклимат семьи складывается из множества факторов. Отношения между родителями и детьми, между братьями и/или сестрами создают сферу жизнедеятельности, в которой у ребенка возникает свое мировоззрение, способы общения с окружающим миром, которые он перенимает от родных.

Порядок рождения определяет характер позиций, сопутствующих стилю жизни. Опыт старшего или младшего ребенка в семье по отношению к братьям/сестрам складывается под влиянием особенностей родительских установок и ценностей.

Основные сиблинговые позиции:

- 1) самый старший ребенок: старший брат братьев, старший брат сестер, старшая из сестер и старшая сестра братьев;
- 2) самый младший ребенок: младший брат братьев, младший брат сестер, младшая из сестер и младшая сестра братьев;
- 3) средний ребенок;
- 4) близнецы: двое, трое, четверо и т.д. [1, с. 32]

Данные позиции могут варьироваться и в зависимости от разницы в возрасте, например, если она незначительна, сиблинги будут воспринимать друг друга как сверстники, если более десяти лет, то отношения будут носить отдаленный характер, старший ребенок может проявлять родительские чувства к младшему брату / младшей сестре.

В социальной работе уделяется внимание, прежде всего, тем сиблингам, один из которых имеет нарушения здоровья, инвалидность, зависимость [2], а

также в случае, если сиблинги являются беспризорными [3]. Кризисное вмешательство предполагает, в первую очередь, изоляцию одного из членов семьи, и реабилитация всей семьи в большинстве случаев не предусматривается.

В статье А.М. Шишковой, В.В. Бочарова, И.Ф. Карловской [4] представлены результаты исследования особенностей семейного положения детей, один из которых страдает героиновой зависимостью. У сиблингов выявлено состояние дезадаптации и отчуждение от семьи.

В семьях, где один из детей имеет инвалидность, отношения с родителями и сиблингами имеют специфический характер, часто выражающийся в смещении социального положения в семье как равноправного члена. Для исследования технологий работы с сиблингами важен фактор влияния ребенка с инвалидностью на брата и/или сестру.

В семьях с детьми, например, страдающими онкологическими заболеваниями, проводится работа не только с родителями и больными детьми, но и сиблингами, так как они являются психологически уязвимой группой, возможны варианты включения их в программы реабилитации, проводимые для детей с онкологическими заболеваниями на этапе диспансерного лечения: реабилитационный лагерь, городской клуб [5]. Важно, чтобы сиблинги были включены в эти программы с момента постановки диагноза брату/сестре, чтобы разгрузить семью в период лечения, обеспечить сиблингу общение со сверстниками, внимание со стороны взрослых.

Технологии социальной работы находят применение в различных социальных учреждениях, например, в центрах помощи семье и детям, где оказывают услуги социально-психологической реабилитации, специалисты взаимодействуют и с членами семей ребенка с инвалидностью.

Примером реабилитации не только ребенка, прошедшего курс лечения, но и его сиблинга, может служить практика работы благотворительного фонда «Шередарь», организующего лагерные смены для детей, перенесших онкологические заболевания. В лагере специалисты понимают, что сиблингам уделяют меньше внимания, они замыкаются в себе. Им сложнее общаться с ровесниками, у них падает успеваемость, появляются раздражительность, тревога и ревность. В разговорах с психологами лагеря они говорят: «Лучше бы я заболел» [6]. В лагере сиблинги (от 7 до 12 лет) оказываются в другой атмосфере, общаются с ровесниками, проходят тренинги, специалисты применяют технологии: арт-терапию, ипотерапию. Под руководством вожатых-волонтеров организуются занятия танцами, пением, фотографией и многим другим, что способно увлечь ребенка. Стоит отметить, что в программах не указаны совместные семейные занятия.

Для специалиста использование интегративных методик позволило бы рассмотреть конкретную семейную ситуацию с разных позиций, чтобы включить особенности развития сиблингов и их социальное окружение, психологические специфические черты.

В семьях, где один из детей имеет инвалидность, повышен риск проявления к нему эмоционального и психологического насилия со стороны братьев и / или сестер. Родителям важно на ранних стадиях конфронтации отношений между сиблингами увидеть и разрешить противоречия. При работе с подобными случаями социальный работник взаимодействует не только с родителями, но и с сиблингами. В процессе реабилитации ребенка с инвалидностью необходимо проводить групповые занятия, направленные на построение отношений в семье в новом формате.

При выявлении серьезных проблем в семье необходимо учитывать факторы, которые способствуют использованию насилия в супружеских и родительско-детских отношениях:

- размеры и состав семьи. Часто из-за более тяжелого материального положения, занятости на работе, заботе о нетрудоспособном члене семьи, дефицита свободного времени, неравномерного распределения внимания детям неполная или многодетная семья создают больше предпосылок для переживания стресса, чем обычная семья;
 - семьи с отчимом или приемными родителями;
 - эмоциональная и физическая изоляция семьи;
 - низкий доход семьи и постоянный дефицит денежных средств, безработица или временная работа, низкий трудовой статус родителей;
 - возраст родителей. Молодые, неопытные родители, боясь потерять контроль над ребенком, часто используют авторитарный стиль воспитания;
 - плохие жилищные условия. Исследования показывают, что теснота, шум, некомфортная температура, загрязненность воздуха усиливают склонность к агрессивным реакциям;
 - принадлежность к групповому (этническому, религиозному) меньшинству;
 - отсутствие социальной помощи [7].

Эти хронические стрессовые ситуации часто вызывают у родителей фрустрацию и чувство беспомощности и оказывают существенное влияние на психологический климат семьи. В результате дети становятся «причиной» всех неудач. Некоммерческие организации способны более оперативно и эффективно помочь конкретной семье, т.к. они более гибкие в предоставлении социальных услуг (подстраиваются под конкретную аудиторию), НКО раньше государственных учреждений используют инновационные технологии.

В отношении сиблинговых связей в семьях с ребенком с инвалидностью интересен опыт Беларуси, Общественного объединения «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам». Для сиблингов проводятся семинары, на которых участники делятся своим мнением. На занятиях обсуждаются темы, касающиеся позиции здорового сиблинга, например, «Разве я должен быть пастухом своего брата с ограничениями?» В данном контексте на семинарах для братьев и сестер важно правдиво ответить на вопрос, какую долю ответственности они готовы на себя взять, и где границы их участия в уходе и опеке [8]. Беседы старших братьев и сестер приносят большую пользу и помогают специалистам найти ответы на вопросы, волнующие конкретного человека и конкретную семью, разобраться в сложном взаимодействии членов семьи.

В Нижнем Новгороде существует семейный центр «Лада», деятельность которого направлена на гармонизацию отношений между представителями разных поколений внутри семьи [9], формированию позитивного отношения между сиблингами. Центр организует семейные турпоходы, творческие мастер-классы, праздники, действует семейный клуб «Воскресение», способствующий объединению родителей и детей.

В технологиях социальной работы с такими семьями стоит уделить внимание профилактике девиаций в развитии детей. В проведении мероприятий по реабилитации одного из детей стоит задействовать ресурсы семьи, включая сиблингов. Для семей разрабатываются и индивидуальные планы, и мероприятия для групповых занятий, организуются клубы для поддержки семей с детьми. Это позволяет семье не замыкаться, а расширять сеть социальных связей, что обеспечивает детям более эффективную адаптацию.

Литература

1. Лукьянченко Н.В. Социально-психологические особенности сиблинговых отношений как значимый фактор становления и жизненного пути зрелой личности // Психологическая наука и образование, 2010. № 1. С. 31-40.
2. Хуснутдинова З.А., Туляков М.Д. Медико-социальная и индивидуально-психологическая характеристика подростков наркоманов и их здоровых сибсов // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН, 2013. № 3 (91), Часть 1. С. 126-130.
3. Ильченко Н.Ю. Беспризорность несовершеннолетних как результат насилия в семье / Н.Ю. Ильченко // Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. № 99. С. 286-290.
4. Шишкова А.М. Психологические особенности сиблингов пациентов, страдающих героиновой наркоманией / А.М. Шишкова, В.В. Бочаров,

И.Ф. Карловская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология, 2013. Т.3. №.4 С. 113-121.

5. Гусева М.А. Проблемы сиблингов в детской онкологии. Возможности психотерапевтического сопровождения на этапе специального лечения // Профессиональная позиция психолога-консультанта в мультикультурной среде. М.: ООО Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 66-72.

6. Что происходит в «Шередаре». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sheredar.ru/kids-parents>. (Дата обращения 30.03.2017).

7. Фурманов И.А. Межпоколенная эстафета агрессии и насилия в семье: эндогенные и экзогенные факторы / И.А. Фурманов // БДУ. 2009. № 1. С. 67-72.

8. Взгляд со стороны / ред.кол. : Г. Вольхюттер и [др.], под общ. ред. Е.Г. Титовой. Минск: А.Н. Вараксин, 2012. С. 20-21.

9. Семейный центр «ЛАДА» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ladadeti.ru/>. (Дата обращения 05.04.2017).

SOCIAL WORK WITH SIBLINGS IN NON-PROFIT ORGANIZATIONS

I.G. Golubeva

This article analyzes the practice of non-profit organizations working with siblings. The study focuses on interaction between children in a family. An important component in the relationship between brothers and sisters is emotional intimacy, which affects the frequency of communication and liking for each other. Features of parent-children and sibling relationships must be considered in work with families.

Keywords: siblings, social work with families of sibling, nonprofit organization.

МЕСТО СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В СФЕРЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

В.В. Гурская

thegazetto@mail.ru.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассмотрены основные направления деятельности специалиста по социальной работе в сфере психического здоровья. Описана нормативно-правовая база, на которую опирается специалист, осуществляя свою профессиональную деятельность, а также особенности восприятия должностных обязанностей специалиста другими участниками оказания психиатрической помощи.

Ключевые слова: социальная работа в психиатрической службе; направления социальной работы; правовые основания деятельности; взаимодействие специалистов полипрофессиональной бригады.

В настоящее время в России оказание психиатрической помощи населению строится на принципах общественно-ориентированной психиатрии. В рамках данного подхода система оказания помощи опирается на полипрофессиональное бригадное обслуживание, где одним из членов бригады профессионалов является специалист по социальной работе, который отвечает за психосоциальную реабилитацию пациентов, а также за помощь и поддержку семьи больного.

В задачи специалиста входят: 1) повышение социальной компетенции путём расширения спектра социальных навыков пациента, его психологической устойчивости и профессионального функционирования; 2) уменьшение дискриминации и борьба со стигмой; 3) оказание поддержки семьям, имеющим психически больного родственника; 4) оказание социальной помощи и поддержки путем создания и развития устойчивой и долгосрочной системы мероприятий, обеспечивающей, по крайней мере, базовые потребности душевнобольных в жилье, работе, социальной сети и досуге [1].

Эти задачи могут быть реализованы через такие направления работы, как обучение навыкам самообслуживания (принимать пищу, гигиенические процедуры, одеваться, делать уборку и т.д.); развитие навыков общения; организация консультативных приемов для членов семьи больного, а также просветительских и образовательных программ, групп самопомощи; решение проблемы проживания вне психиатрического учреждения; трудовая реабили-

тация и трудоустройство больных; оказание консультативной помощи пациентам и др.

Основными нормативно-правовыми документами, на которые опирается при реализации своей деятельности специалист по социальной работе, являются: Федеральный закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 03.07.2016) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [2], формирующий правовые основы оказания психиатрической помощи, содержащий перечень видов социальной поддержки, гарантированный государством. Введение должности специалиста по социальной работе в штат психиатрической больницы и описание его должностных обязанностей содержится в Приказе Министерства здравоохранения РФ от 16.09.2003 № 438 «О психотерапевтической помощи» [3]. Однако, стоит оговориться, что данные акты определяют клиентом специалиста по социальной работе лишь пациентов психиатрических учреждений. Определение родственников психически больного как клиентов специалиста по социальной работе закреплено лишь в локальных нормативных актах каждой конкретной психиатрической службы, например, в должностных обязанностях специалиста по социальной работе психиатрической больницы [4].

При организации своей деятельности специалист по социальной работе ориентируется на ситуацию каждого конкретного пациента и разрабатывает комплекс мер, направленных на разрешение максимального количества его проблем (восстановление социальных связей, тренинг коммуникативных навыков, повышение уровня социально-бытового обслуживания, содействие в гармонизации отношений в семье больного, в получении пособий, трудоустройстве и т.д.)

Соответственно, социальная работа в психиатрии может быть определена как «комплекс мер, направленных на повышение социальной компетентности психически больных, формирование у них ответственности за свое социальное поведение, а также социальную защиту, обеспечение, поддержку и социальную реабилитацию этих больных» [5], а направления деятельности специалиста по социальной работе можно подразделить на:

- тренинг социальных навыков или социотерапевтическое воздействие;
- социально-правовое обслуживание;
- информационно-образовательную деятельность;
- профилактические мероприятия.

Учет в рамках общественно-ориентированной психиатрии биопсихосоциальной природы развития психических расстройств обуславливает акцентирование внимания на условиях жизни пациентов и обстоятельствах, которые способны ухудшить прогнозы лечения, что предполагает равноправные партнерские отношения врачей-психиатров и специалистов по социальной работе в процессе создания разработки, реализации и оценки результатов проведенной психосоциальной терапии и психосоциальной реабилитации.

Однако практика показывает, что из-за отсутствия должного понимания в среде профессионалов принципов, на которых покоится общественноориентированная психиатрия, и обязанностей специалистов, входящих в состав бригады, в том числе, и специалистов по социальной работе, описанная выше установка не выполняется.

По данным исследований, врачи-психиатры соглашаются с необходимостью ввести в штат больницы социальных работников, но, с другой стороны, они отмечают, что социальный работник должен стать либо отдельным, самостоятельным специалистом с собственной компетенцией, либо помощником врача, его функции в больнице должны стать прикладными, направленными на выполнение «поручений» врача. В представлении врачей, сам процесс организации деятельности в рамках бригадного подхода рассматривается как ограничение/делегирование их полномочий и обязанностей немедицинским специалистам, что объясняется замкнутостью корпоративной культуры врачей и нежеланием врачей терять свои ведущие позиции в организации и осуществлении поддерживающих мер [6].

Таким образом, сегодня организация психиатрической помощи строится в рамках общественно-ориентированной психиатрии, опирающейся на общество и содержащей в себе идею биопсихосоциальной модели болезни, появление, проявление и развитие которой имеет полиэтиологический характер, причем акцент делается на преимущественном влиянии психосоциальных факторов. Такая расстановка акцентов определила необходимость наличия в штате учреждений сферы психического здоровья специалиста по социальной работе, отвечающего именно за психосоциальную сторону здоровья пациента. Социальная работа в психиатрии осуществляется на различных уровнях и в различных направлениях, определяющих широкий спектр должностных обязанностей социального работника, а многофакторное понимание природы психических расстройств предполагает выстраивание партнерских отношений между профессионалами бригады, необходимых для осуществления наиболее эффективных и разносторонних терапевтических и реабилитационных мероприятий.

Тем не менее, в современных условиях институционализации социальной работы в психиатрии эта необходимость не осознается врачами до конца, что приводит к тому, что в больницах не наблюдается должного сотрудничества между специалистами, несмотря на то, что сами врачи признают необходимость включения в штат больницы социальных работников, рассматривая их, в основном, как своих ассистентов.

Литература

1. Бабухадия Е.А. Функциональная модель психосоциальной реабилитации больных шизофренией / Е.А. Бабухадия // Развитие биопсихосоциального подхода в сфере охраны психического здоровья. Вып. 1 / Под общей редакцией заслуженного деятеля науки РФ, профессора Н.А. Корнетова и доктора медицинских наук А.П. Агаркова. – Томск: Изд-во: СГМУ. 2005. 235 с. ISBN: 5-98591-010-5.

2. Закон Российской Федерации от 02.07.1992 г. N 3185-1 (ред. от 03.07.2016) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] // Правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189588>>. (Дата обращения: 11.04.2017).

3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 16.09.2003 № 438 «О психотерапевтической помощи» [Электронный ресурс]. // Правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94742/>. (Дата обращения: 11.04.2017).

4. Зинкина А.П. Профессиональные компетенции специалистов по социальной работе лечебно-реабилитационного учреждения // Омский научный вестник. 2011. № 2 (96). С. 130-133.

5. Степанова Е.В. Внедрение социальной работы в психиатрию: анализ теоретических подходов и практического опыта (на материалах Нижегородской области) // Отечественный журнал социальной работы. 2011. № 4. С. 98-106.

6. Лёскина А.А. Перспективы использования бригадной формы работы в системе оказания психиатрической помощи // Здоровье как ресурс / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой – Н. Новгород: изд-во НИСОЦ, 2010. С. 709-711.

PLACE OF THE SPECIALIST ON SOCIAL WORK IN THE FIELD OF MENTAL HEALTH

V.V. Gurskaya

In this article the main directions of activity of the specialist in social work in the field of mental health are considered. The regulatory basis on which a specialist relies carrying out his professional activities as well as peculiarities of the perception of the specialist's function by other participants in the provision of psychiatric help, are described.

Keywords: social work in the psychiatric service; directions of social work; legal framework of activity; interaction of specialists of the polyprofessional team.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЛОНТЕРСТВЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ
ДОБРОВОЛЬЦЕВ НИЖНЕГО НОВГОРОДА**

В.И. Игнатьева

leruska_ignateva@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Представлен анализ результатов исследования, посвящённого изучению ожиданий и представлений действующих добровольцев о волонтерской деятельности, проведенного в 2016 г. в г. Нижнем Новгороде путем полустандартизированного интервью (n=27).

Ключевые слова: волонтер, волонтерство, представления, ожидания, реальность.

С конца XX в. волонтерство активно развивается в Российской Федерации, обращая на себя пристальное внимание ученых различного профиля. Одни исследователи изучают направления добровольческого движения, другие – отношение окружающих людей к данному виду деятельности, третьи – результаты волонтерской деятельности. Проведенное нами исследование посвящено изучению представлений о волонтерстве непосредственно действующих добровольцев г. Нижнего Новгорода. Интерес к данной проблематике возник вследствие роста числа действующих волонтеров, а, следовательно, и многообразия мотивов, целей и представлений о добровольческой деятельности среди потенциальных волонтеров. Ведь перед тем как стать волонтером, человек рисует себе определенную картину будущей деятельности, ставит перед собой определенные задачи и имеет собственные ожидания, и если они, в конечном итоге, не оправдываются, то человек может разочароваться в волонтерстве или даже полностью от него отказаться.

Исследование представляло собой полустандартизированное интервью, включающее в себя 13 основных вопросов. Выбор респондентов осуществлялся путем «снежного кома», в результате в исследовании приняли участие 27 действующих волонтеров.

В первую очередь, нами были проанализированы непосредственно ожидания реальных добровольцев от волонтерской деятельности. Изначально, мы предполагали, что ожидания ограничатся образом не требующей особых усилий деятельности гуманистической направленности (помощь нуждающимся), однако наше предположение не подтвердилось. Так, 8 из 27 респондентов указали, что перед вхождением в волонтерскую сферу у них во-

обще не было никаких представлений о данного рода деятельности: *«Вообще не было никаких ожиданий, даже до конца не понимала, что это такое волонтерство, поэтому не могу ответить на данный вопрос как-то однозначно»* (жен., волонтер 6 лет).

Сложившаяся ситуация немного парадоксальна, такое решение как согласие на безвозмездное оказание помощи нуждающимся должно быть обдумано заранее, но опрошенные волонтеры «окунулись» в волонтерство, движимые текущими эмоциями, а не логикой. Или же, возможно, несколько лет назад волонтерство было менее популярно, недостаток информации привел к отсутствию четко определенных ожиданий.

Представление как об «альтруистической помощи людям» указали лишь 7 из 27 респондентов, следовательно, волонтеры не всегда ожидают от добровольчества непосильной работы, они вкладывают в эту деятельность и иной смысл. 5 из 27 респондентов говорили о «веселом времяпрепровождении», возможности занять свое свободное время либо отвлечься от повседневности.

Часть респондентов (4 из 27) отметили, что первоначально ожидали сложной физической деятельности, ведь часто волонтеры оказывают помощь людям в трудных жизненных ситуациях (например, онкологические заболевания, неспособность к самообслуживанию), требующих не только определенных навыков, умений, но и внутренней силы и «твердого» духа.

Однако наряду с вышеуказанными представлениями 3 из 27 респондентов ожидали от волонтерства обычной, не трудной деятельности, например, «участие в субботнике»: *«Изначально мне казалось, что волонтер – это тот, кто ходит на субботники и помогает что-то принести, поделат^ь бесплатно»* (жен., волонтер 8 лет); *«Я представляла волонтерство, как простое дело, не требующее многих усилий»* (жен., волонтер 4 года).

Выявив, каковы были ожидания респондентов, мы выяснили, оправдались ли эти ожидания и как опрошенные к этому отнеслись, изменилось ли их видение волонтерства. В результате из 19 респондентов, у которых изначально были некоторые представления, только у 4-х они не оправдались. В первую очередь, это связано с тем, что у вновь пришедших волонтеров были искажены представления о содержании волонтерства, например, «как о субботнике», что не охватывает всего спектра возможностей приложения волонтерских усилий. Кроме этого, будущие волонтеры были плохо осведомлены о волонтерском движении, поэтому представляли его как помощь узкому кругу людей, например, только престарелым либо детям-сиротам, либо животным. В-третьих, будущие волонтеры представляли волонтерство как простую дея-

тельность, не требующую особых усилий, а на практике от них потребовались не только физические способности, но и различные психологические навыки, такие как эмпатия, справедливость, тактичность, толерантность и др.

Таким образом, недостаток информации о волонтерстве не сильно влияет на решение им заниматься, даже знание о трудностях волонтерского труда не отпугивало людей. В свете данного вывода значимость приобретает обучение потенциальных волонтеров, позволяющее им найти то направление волонтерства, которое им будет подходить больше всего. Кроме этого, обучение позволит снизить уровень стереотипизации, людям будет объяснено, что добровольчество – это не субботники и не бесплатная рабочая сила, а возможность активного участия населения в разных сферах жизнедеятельности общества.

Далее, мы обратились к реальным добровольцам с вопросом о необходимости специального обучения волонтеров. В результате, 16 из 27 респондентов указали на данную необходимость: *«Да! Обучение нужно, чтобы качественно оказывать помощь и чтобы волонтеры понимали значимость этой деятельности, знали возможности, знали, кому и как можно оказать помощь правильно»* (жен., волонтер 10 лет); *«Наверное, психологическая подготовка быть должна, потому что может произойти всё, что угодно. И волонтер должен быть к этому готов»* (жен., волонтер 3 года). Нами выявлено что, чем больше волонтерский опыт, тем для человека важнее наличие специального обучения, например, тренинги, мастер-классы, семинары, конференции. Благодаря специальному обучению, по мнению респондентов, волонтер может оказывать более качественную помощь, при этом не подвергая себя эмоциональному выгоранию.

Кроме того, 7 из 27 респондентов отметили, что специальное обучение необходимо в отдельных направлениях волонтерства, например, работа с пожилыми людьми, людьми с ограниченными возможностями здоровья, детьми-сиротами и др.: *«В некоторых акциях это просто обязательно. Так, например, в акции Центра «ЛАДА» волонтеров Дедов Морозов, которые приезжают к детям с ментальными расстройствами, специально обучают психологи и педагоги»* (жен., волонтер 8 лет); *«Я считаю, что оно необходимо, но не для всех проектов, например, для организации фестиваля – там, в общем-то, мало чего от тебя требуется. Но если ты помогаешь детям-сиротам, то тебе надо психологические тренинги какие-то пройти, знать какие-то особенности и т.д.»* (жен., волонтер 2 года). Безусловно, данное специфическое обучение волонтеров необходимо в силу того, что некоторые категории

нуждающихся требуют к себе определенного подхода, невозможного без социально-психологических знаний.

Только 4 из 27 респондентов сказали, что специальное обучение для волонтеров не нужно. Свой выбор они аргументировали тем, что для оказания помощи в волонтерской сфере не нужны специфические знания, нужна лишь гуманность, эмпатия и толерантность: *«Я считаю, что нет необходимости в специальном обучении, ведь помочь может каждый, главное – желание»* (жен., волонтер 3 года); *«Я считаю, что специального обучения не нужно. Все на практике узнается. Тут либо помогаешь окружающим, либо нет»* (жен., волонтер 3 года).

Следующий этап исследования был посвящен проблеме привлечения потенциальных волонтеров. Большое количество ответов (15 из 27 респондентов) подтвердило необходимость улучшения сферы информирования населения о волонтерстве, повышения качества социальной рекламы: *«Наверное, больше распространять информацию о таких волонтерских мероприятиях, начинать уже со школ»* (жен., волонтер 3 года); *«В основном, через хорошую информированность потенциальных волонтеров, через объявления, стенды, листовки в местах скопления молодежи (клубы, школы, разные там тусовки)»* (жен., волонтер 3 года). С этим невозможно не согласиться, так как на практике население не информировано о программах, акциях и проектах волонтерского сектора, следовательно, не в состоянии задуматься о возможной сопричастности к данному роду деятельности. Есть гипотеза, что информирование населения о волонтерстве, начиная со школы, повысит процент реальных волонтеров.

9 из 27 респондентов указали, что потенциальных волонтеров можно привлечь при помощи непосредственно действующих добровольцев. При этом, называя данный вариант, респонденты говорили, что важен личный пример успешного волонтера, его опыт и полученные в процессе волонтерства умения и навыки. То есть, по мнению реальных добровольцев, необходимо акцентировать внимание на возможном росте, получении различных навыков и умений, расширении сферы социальных контактов: *«Необходимо правильно позиционировать волонтерство, например, как активный стиль жизни, модное направление, приводить личные примеры, успешные истории, различные масштабные акции. Это может привлечь активных людей»* (жен., волонтер 10 лет); *«Вообще, волонтерам нужно придать какой-то стимул, мотив, может быть возможность собственного роста, приобретение новых знакомств, связей»* (муж., волонтер 5 лет).

Однако 3 из 27 респондентов категорически указали, что привлечь потенциальных волонтеров невозможно, так как данный род деятельности является добровольным и должен, по их мнению, исходить от самого человека, его сердца: *«Я много думала над этим вопросом, но я поняла по собственному опыту, что, если человек хочет это делать, то он сам к этому придет, его никак не заставишь»* (жен., волонтер 2 года); *«Я считаю, что никак! Здесь только личная заинтересованность каждого. Это не кружок по интересам в учебном заведении, а фактическая среда, которую ты создаешь не на ближайшиe пару дней, а долгосрочное партнерство с близкими по духу людьми, которые также стремятся помогать»* (жен., волонтер 3 года). С одной стороны, можно согласиться с данным мнением – человека против его воли не заставишь заниматься нелюбимым делом, но, с другой стороны, если показать потенциальным волонтерам все плюсы и возможности волонтерства, то можно будет привлечь тех, кто был не информирован, либо боялся сделать первый шаг по какой-то причине, либо хотел сделать шаг, но не знал, к кому обратиться.

Полученные данные иллюстрируют представления реальных волонтеров о добровольческом секторе, что может быть использовано при работе с потенциальными волонтерами: информирование, привлечение, набор и отбор, обучение. Согласно нашему исследованию, среди 27 респондентов 8 не имели четких ожиданий относительно будущей деятельности. Они не ставили перед собой особую цель – осмыслить задачи данной деятельности, они могли прийти «за компанию» либо просто хотели помогать людям.

У 19 из 27 респондентов имелись ожидания относительно их будущей волонтерской деятельности, которые оправдались лишь частично. В связи с этим, на наш взгляд, значимым является не просто информирование населения о волонтерстве, но и проведение специального обучения, что позволит снизить уровень стереотипизации волонтерского движения.

THE PERCEPTIONS OF THE REAL VOLUNTEERS OF NIZHNY NOVGOROD ABOUT VOLUNTEERING

V.I. Ignatyeva

The article is devoted towards Nizhny Novgorod State University students to the phenomenon of volunteering. The article presents the results of the study, which is devoted to studying of expectations and perceptions of volunteers about volunteer activity. It is held in 2016 in Nizhny Novgorod by the semi-standardized interview (n=27).

Keywords: volunteer, volunteering, representations, expectations, reality.

РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ СТАНДАРТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

А.А. Количенко

kolichenkoa@mail.ru

Нижегородская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Содержание данной статьи помогает определить сущность и роль нравственных стандартов в формировании морального облика современного сотрудника полиции.

Ключевые слова: нравственные стандарты, моральный облик сотрудника полиции, нравственная и правовая культура.

Немаловажное значение в нормативной системе общества имеет мораль. Борьба моральных установок в современном мире выходит на первый план, становится доминирующей, и все другие отношения (экономические, военные, социальные, спортивные, правовые) нередко оказываются подчиненными моральному дискурсу. Если мораль является общим регулятором здоровья гражданского общества, государства, личности, то это здоровье может быть подорвано моральной инфекцией.

Изучение морали даёт понимание тех или иных процессов, происходящих в обществе. Основными задачами являются: научить нравственной культуре; воздействовать на формирование нравственно-этических установок сотрудника в зависимости от сферы его профессиональной деятельности; дать опору для разрешения различных ситуаций.

На систему нравственно-этических предписаний и правил влияют внешние факторы: уровень правосознания и правовой культуры общества, в котором проявляется уровень его развития. В современной России уровень нравственной и правовой культуры общества достаточно низок. Концептуальная, базовая коллизия заключается в том, что нормы морали «страдают» размытостью, структурной упрощенностью. В восприятии многих граждан являются несущественным, необязательным регулятором, а взаимодействующие с ними правовые нормы, напротив, конкретны, принудительно обеспечены. Моральная сфера как объект правовой защиты зыбка и неопределенна.

Стоит обратить внимание на обострившиеся проблемы в сфере моральных ценностей, которые возникли в постреформационный период. О.В. Мартышин отмечает: «При всей коррумпированности советской власти и при

всем ее лицемерии в последние десятилетия она культивировала (хотя бы формально) на основе социалистической идеологии моральные ценности, многие из которых носили вечный характер и входили в патриархальное народное сознание. Теперь они растоптаны. А на капиталистической основе, характерной для Запада, нравственные ценности сложиться еще не успели»[1].

Мораль является общим регулятором духовного здоровья гражданского общества, государства, личности, но это здоровье может быть подорвано моральной инфекцией. «Моральный дискурс, – отмечает В.Ю. Колмаков, – есть смысловое сопротивление абсурду аморальности, абсурду как аморальности и аморальности как абсурду»[2]. В этой связи нельзя согласиться с И.Н. Васевым, что «традиционные регуляторы общественных отношений (религия, нравственность, эстетика и пр.)» все более вытесняются с ранее занимаемых позиций.

Констатацией данной проблемы являются высказывания о «моральной коррумпированности общества». М. Левин и Г. Сатаров отмечают, что общество, как и чиновники, имеет «двойной стандарт своих моральных ценностей» и «теряет свой моральный иммунитет». Каждый находит веское оправдание своим действиям. Разница между Россией и Западом заключается не в том, что здесь взяточничество распространено, а там нет; дело в различном отношении к закону и реагировании общества на коррупцию. По мнению исследователей, коррупция в менталитете отступит лишь тогда, когда улучшится уровень жизни населения и будет построено подлинно гражданское общество. Высказывается также позиция, что так называемая «мода на служебные этикеты, кодексы» косвенным образом указывает на неблагополучие с моралью в профессиональных кругах.

Хотелось бы отметить, что сотрудник органов внутренних дел, поступая на службу, принимает присягу, согласно которой он обязан с честью и достоинством нести службу. В данном контексте видим целесообразным отметить значимость института присяги. Обратимся к позиции Н.Г. Русаковой, которая под присягой понимает юридический факт, представляющий собой принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать и исполнять права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью, определяющий момент изменения специального правового статуса субъектов и осуществляемый в особом ритуальном порядке на основе специализированных символических действий [3]. Трудно представить, что сотрудник с высоким уровнем правосознания способен нарушить присягу.

В настоящее время субъекты права нередко нарушают предписания и требования профессиональной этики. Так, например, в своих публичных выступлениях и в печати некоторые представители адвокатского сообщества позволяют себе пренебрежительные высказывания в отношении своих коллег. Нередки случаи, когда адвокат, недовольный ходом рассмотрения дела, допускает в общении с журналистами негативные высказывания в отношении судьи или иных должностных лиц, участвующих в ходе разрешения дела. Вследствие таких инцидентов имели место обращения в Страсбургский суд по правам человека, которые были обусловлены, якобы, нарушением права человека на свободу слова. Однако Страсбургский суд указывает, что понятие свободы слова не охватывает неэтичные, порочащие должностное лицо поступки.

Для регулирования поведения адвоката, преодоления негативных тенденций нравственного характера в адвокатском сообществе функционирует Кодекс профессиональной этики адвоката, который принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. с целью создания нравственной ответственности и поддержания профессиональной чести адвокатов. Первый раздел вышеуказанного Кодекса содержит основополагающие нормы и принципы профессионально-этического поведения адвоката. Второй раздел включает в себя процедурные нормы дисциплинарного производства.

Кодекс профессиональной этики адвоката закрепляет правила поведения каждого адвоката при осуществлении им своих профессионально-служебных обязанностей. Под адвокатской деятельностью понимается квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Федеральным законом от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и законных интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Кодекс профессиональной этики адвоката надежно защищает адвокатское сообщество от нечестных, несправедливых специалистов путем применения мер правового характера вплоть до лишения статуса адвоката. Так, например, на адвоката Б. наложено дисциплинарное взыскание в виде лишения статуса адвоката за нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката. Рассматривалось дело по убийству гражданки Л. В совершении преступления подозревался муж убитой (гражданин Н.), однако в ходе разбирательства по делу выяснилась его непричастность к содеянному. Затем подозрение пало на сына гражданина Н. Адвокат мужа убитой гражданки Л. взял

под защиту её пасынка. Адвокат Б. был отстранен от дела постановлением следователя, так как в рамках данного уголовного дела был одновременно защитником и подозреваемого, и потерпевшего. На основании п.2 ст.15 УПК РФ функции защиты не могут быть возложены на одно и то же лицо. В соответствии со ст.11 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе быть представителем сторон, интересы которых противоречат друг другу. Адвокату было известно, что объединение указанных лиц под свою защиту является нарушением норм российского законодательства об адвокатской деятельности. В соответствии с п.1 ст.4 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокаты в любых ситуациях должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии. Адвокат нарушил законодательство об адвокатской деятельности, и по решению совета палаты адвокатов нарушитель был привлечён к дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката [4].

Аксиомой множества политико-правовых документов, публицистических работ, этических кодексов выступают суждения: «общество и государство нуждаются в высоконравственных юристах», «отчуждение юристов от этических принципов дискредитирует сферу правотворческой деятельности, разрушает правосознание, способствует росту правового нигилизма», «необходимо создание эффективно функционирующего юридического сообщества с высокими моральными принципами».

Пункт 1 статьи 21 Европейской Конвенции «О правах человека» сформулирован следующим образом: «Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом»[5].

Далее, следует отметить, что этическое содержание юридического процесса регламентируется не только нормами этики, закреплёнными в законодательстве, но и моральным сознанием самого лица, осуществляющего этот юридический процесс. «Судебное решение лишь частично может быть запрограммировано законодателем... эффективность права в судебной власти зависит в большей степени от нравственных качеств кадрового состава, чем от совершенства законодательства» [6]. Анализируя вышесказанное можно сделать вывод, что немаловажное значение в процессуальной деятельности имеет личность судьи. При осуществлении своих служебно-профессиональных обязанностей судья должен основываться на своих нравственных качествах: справедливость, неподкупность, честность, чувство долга, совесть, добросо-

вестность. Данные нравственные категории находят закрепление в действующем законодательстве.

«Истинное отправление правосудия – процесс, далеко не механический. Без вложения души, интеллекта, нравственных начал в процесс изучения любого правового конфликта судья, обращаясь только к юридическим познаниям, проявляет себя лишь как ремесленник, тогда как призвание судьи – не осудить, а рассудить, опираясь не только на законоположения, но и в том числе на всю палитру нравственно-этических устоев общества, свое мироощущение, свой жизненный опыт и понимание сути применения закона». Данные устоявшиеся предписания морально-нравственного характера находят отражение в Кодексе судейской этики.

Следует отметить, что Кодекс профессионально-служебного поведения применяется как стандарт должного поведения и как «механизм социализации». Сотрудникам, которые начинают работать в той или иной предметной сфере, будет намного проще адаптироваться к новой среде и понять эталоны данной профессии, изучив Кодекс. Наличие Кодекса профессионально-служебного поведения является гарантией того, что в сознании сотрудников той или иной профессии сформировались эталоны и стандарты, к которым должен стремиться каждый сотрудник. Как отмечают А.А. Малюк и О.Ю. Полянская, наиболее важная функция данного вида кодексов – сформулировать коллективную мудрость лиц данной профессии, он является выражением их опыта и согласия.

Таким образом, каждый кодекс поведения сотрудников полиции содержит в себе этические нормы, призванные воздействовать на сознание сотрудников, а также регулировать их профессиональную деятельность.

Литература

1. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 24-30.
2. Колмаков В.Ю. Современный моральный дискурс // Библиотека актуальной философии. 2015. № 14. С. 3-13.
3. Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. 32 с.
4. Дисциплинарная практика – обзор по материалам палаты адвокатов. // Нижегородский адвокат. 2016. № 8. С. 22-23.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.). Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4RzFVKq00>. (Дата обращения: 29.03.2017).

6. Овчинников А.И. Правовое мышление: автореф. дис...докт. юрид. наук: 12.00.01 / Овчинников Алексей Игоревич. – Краснодар, 2004. 47 с.

**THE ROLE OF MORAL STANDARDS
IN THE MODERN POLICE OFFICER**

A.A. Kolichenko

The content of this article helps us to identify the nature and role of moral standards in the formation of moral character of the modern police officer.

Keywords: moral standards, the moral character of a police officer, moral and legal culture.

**ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
РОДСТВЕННИКАМ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ:
АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ФОРМ ПОМОЩИ**

Л.А. Корнилова

lida.kornilova@inbox.ru.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматривается организация существующих видов и форм социально-психологической помощи семьям, имеющим в своей структуре психически больного. Анализируется эффективность социально-психологических мероприятий, а также делается вывод о необходимости индивидуального подхода к каждому случаю.

Ключевые слова: психическое здоровье, социальная работа с семьей, социально-психологическая помощь родственникам, групповая реабилитация, психообразование, семейная терапия.

Психические расстройства являются острой и актуальной темой, которая не исчерпывается проблемами лишь одного больного. Почти каждый пациент имеет семью и близкое окружение, на котором непосредственно сказываются последствия его заболевания. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения, к 2020 г. психические расстройства войдут в первую пятерку болезней, ведущих к потере трудоспособности. Если в мире в среднем около 15% людей нуждаются в психиатрической помощи, то в России этот показатель достигает 25%. В 2000-2004 гг. ежегодный прирост больных с психическими расстройствами составлял 2,5%, в настоящее время эти темпы замедлились [1].

Изучение родственников представляет собой самостоятельную и актуальную область исследований, связанную с психологическим благополучием, психическим здоровьем и качеством жизни контингента, подвергающегося постоянным стрессам. Родственники людей, страдающих психическими расстройствами, подвергаются значительному влиянию неблагоприятных факторов, роль и значение которых недостаточно исследованы. Среди них можно выделить: стигматизацию, нарушения семейных взаимоотношений, эмоциональную нагрузку и стрессы, связанные с поведением больного, ограничения в социальном функционировании, материальные затруднения. Психологическое благополучие родственников в значительной степени обусловлено личностным реагированием и отношением к заболеванию члена семьи, а также

их личностными особенностями и психопатологическими нарушениями. К настоящему времени проблема психологического благополучия родственников людей, страдающих психическими расстройствами, только начинает попадать в сферу научных исследований. Ее решение может обеспечить разработка и внедрение эффективных научно обоснованных методов психологической диагностики и последующей психологической помощи родственникам психически больных.

Семьи с психически больными имеют широкий спектр проблем, а также проблем, которые являются факторами дезадаптации и требуют вмешательства не только медицинских, но и социальных служб.

В октябре-ноябре 2016 г. на базе 3-ех психиатрических больниц города было проведено авторское исследование на тему «Организация социально-психологической помощи родственникам психически больных». Для его проведения в качестве основного метода было использовано интервью со специалистами учреждений, а именно: с тремя психиатрами, двумя психотерапевтами, двумя социальными работниками. Интервью включало вопросы, касающиеся мероприятий и занятий с семьями психически больных. В ходе исследования была выявлена позиция специалистов в отношении характерных особенностей и различных методов работы с семьей, имеющей психически больного родственника.

Если профессиональные обязанности врачей-психиатров понятны и очевидны, то вклад социального работника в процесс реабилитации психически больного и помощи семье необходимо прояснить более четко. Очевидно, что именно семья является основным клиентом социального работника, занятого в сфере психического здоровья и реабилитации. Активный уход означает эффективный союз семей и специалистов, а также взаимодействие родственников друг с другом внутри семьи. Необходимо «выслушивать» членов семьи и обращаться с ними как с равноправными партнерами. Специалист по социальной работе должен советоваться с членами семьи в течение всего процесса реализации программы лечения и ухода, повышать эффективность своей работы, уровень понимания и эмпатии.

Специалисту по социальной работе необходимо обучать членов семей распознавать симптомы психического заболевания у их родственника и четко рассказывать о них врачу. Это поможет предотвратить развитие заболевания, появление более грозных симптомов. Один из экспертов отмечал: *«К работе с ближайшим окружением больного относится, например, ведение психообразовательных групп, в ходе которых родственники могут обмениваться опытом, что-то подсказывать друг другу, предостерегать от чего-то. Врач*

не всегда может охватить весь спектр проблем и вопросов, с которыми может столкнуться семья. Главными плюсами такой работы являются, во-первых, фокусировка на помощи семье в целом, а не на отдельном пациенте, а во-вторых, акцентирование внимания на ресурсах семьи, а не на ее недостатках» (ж., врач-психиатр).

Люди, страдающие психическими расстройствами, нуждаются в одобрении и поддержке в их намерении чтобы жить своей собственной жизнью. Это должно быть обеспечено за счет проведения соответствующих социальных, досуговых, профессиональных и обучающих программ. Создание своей собственной жизни, включая формирование интересов, осуществление некоторых видов деятельности, появление новых друзей, означает меньшую зависимость от семьи. Это способствует улучшению баланса во внутрисемейных взаимоотношениях и снимает большую долю психологического бремени с родственников.

Сегодня существует несколько видов семейных интервенций:

- образование семьи и поддержка;
- психообразование семьи;
- семейная терапия [2].

Под образованием семьи понимается информирование о цели лечения и способах совладения с болезнью, внутрисемейные отношения такая форма никак не затрагивает. Психообразование – подход, при котором помимо информации о болезни и ее лечении участники обучаются проблемно разрешающему поведению. Семейная терапия проводится семейным психотерапевтом, который в своей работе опирается на какую-либо концепцию. Центр внимания – внутрисемейные отношения, предоставление информации о болезни минимально.

Различают следующие методы работы с родственниками пациентов:

- работа с одной семьей, включая пациента;
- мультисемейные группы (работа с несколькими семьями);
- работа с группами родственников (несколько семей, включая пациента);
- бифокальные группы (параллельно проходящие группы родственников и пациентов) [3].

Выделяется 6 основных моделей работы с семьей:

- поведенческая семейная терапия;
- психообразование;
- мультисемейные группы;

- группы родственников;
- семейное консультирование;
- краткосрочные программы семейного просвещения [4].

Метод поведенческой терапии основан на теории социального научения и включает в себя директивные техники, такие как подготовка целей, моделирование, подкрепление и домашнее задание [5]. Работа начинается с анализа слабых и сильных сторон семьи и проводится совместно с пациентом. Терапия проводится в течение двух лет сессиями по 90 минут два раза в неделю. Результатом терапии становится снижение частоты обострений и госпитализаций [6], уменьшение выраженности позитивной симптоматики, повышение уровня самообслуживания пациента, увеличение длительности ремиссий. Применение данного метода в больницах Нижнего Новгорода весьма ограничено в связи с отсутствием доступных обучающих программ, дороговизной и нехваткой специалистов. Это очень затратный метод, так как на каждую семью необходимо три часа времени в неделю и семейный консультант-терапевт. К сожалению, в Нижнем Новгороде не представлена поведенческая школа психотерапии, поэтому очень мало терапевтов, готовых использовать этот метод как основной. В то же время фрагментарное использование данного метода встречается. *«Я так же, как и мои коллеги, часто использую его как вспомогательный метод. Например, обучение семьи распознавать приближение обострения заболевания – не что иное, как поведенческий подход».*

Психообразование родственников пациентов представляет собой предоставление структурированной информации о болезни и методах ее лечения, которое помогло бы родственникам и пациентам справиться с заболеванием. *«В дневном отделении проходят психообразовательные группы для родственников. Они созданы для того, чтобы пациент и его близкие люди лучше ориентировались в происходящем; понимали, какие особенности поведения и состояния связаны с болезнью, а какие – нет. Основным вопросом у родственников всегда выступает вопрос о госпитализации: когда она необходима, а когда можно справиться в домашних условиях или с помощью дневного стационара, отделения реабилитации. Длительность психообразования может варьироваться от шести дней до двух лет. Встречи проводятся 1-2 раза в неделю длительностью 60-90 минут (ж., социальный работник).*

К минусам данной программы относится неподготовленность и отсутствие ресурса у родственников. *«Опять же здесь родственники сталкиваются с огромным количеством непонятной информации, которая, во-первых, очень сложно усваивается неподготовленным человеком; во-вторых, здесь*

родственник испытывает множество различных чувств и конфликтов между ними, и многие не выдерживают и уходят из группы» (ж., психотерапевт).

Мультисемейные группы представляют собой второе поколение семейных интервенций. *«Работа с семьей в мультисемейных группах состоит из трех этапов. Первый этап – это мультисемейные образовательные группы. Второй этап направлен на улучшение социального функционирования членов семьи – работа, в основе которой лежит семейная поведенческая терапия. Третий этап – это расширение социальной сети, которая бы смогла удовлетворять потребности семьи в социальных контактах и поддержке». Мультисемейные группы направлены на уменьшение изоляции и стигматизации, снижение финансовой, психологической нагрузки на семью и эмоциональной экспрессивности, а также повышают информированность семьи о заболевании и улучшают функционирование ее членов. Мультисемейные группы относятся к долгосрочным формам работы» (м., врач-психиатр).*

Группы родственников нацелены на расширение сети социальных контактов. *«Раз в неделю проходит клуб для родителей пациентов. Этот клуб глубоко терапевтичен, хотя ведет его человек без специального образования, он волонтер, у которого у самого большая дочь. Он уже 10 лет живет с этой проблемой, поэтому у него имеется богатый опыт» (ж., социальный работник).* Занятия проводятся 1-2 раза в неделю и являются открытыми. В среднем группа рассчитана на 8-10 человек. Обычно встречи длятся по 90 минут и ведутся двумя специалистами. *«Группа направлена на поддержку родственников, помогает им принять заболевание и изменить отношение к нему. Кроме того, они организуют совместные походы в музеи, лекции на различные тематики, не обязательно психиатрические, походы и поездки. Все это налаживает здоровое взаимодействие родственника и пациента» (ж., социальный работник).*

Семейное консультирование представляет собой встречи семьи с консультантом, который чаще всего является лечащим врачом пациента. *«В стационаре есть определенные часы, раз в неделю, когда родственники могут прийти на беседу с лечащим врачом в больницу» (ж., социальный работник).* Цель метода – предоставление информации в соответствии с нуждами отдельно взятой семьи. *«Мы здесь все открыты и сами предлагаем активное взаимодействие. Но не все родственники готовы к взаимодействию, так как от них тоже очень многое требуется. Главное, чтобы родственник не замыкался в себе, а искал помощь и мог принимать поддержку» (ж., социальный работник).*

Краткосрочные программы семейного просвещения отличаются от всех вышеперечисленных подходов только их длительностью. К ним могут быть отнесены любые методы работы с родственниками, если они не превышают шести месяцев. *«Относительно сроков, краткосрочные программы – это программы, проходящие около шести месяцев, а долгосрочные могут занимать несколько лет. Например, курс одной из программ может составлять 3 года. В России самым краткосрочным курсом считается курс от десяти занятий, но за рубежом никому в голову не придет проводить такую краткосрочную терапию».* Существуют также бессрочные программы. *«К бессрочным программам относятся группы родственников, которые проводятся от организации «Новые возможности» (ж., психотерапевт).* Это общественная организация инвалидов с психическими заболеваниями и их семей. «Новые возможности» оказывает практическую помощь людям с психическими расстройствами, помогает им в восстановлении их социального статуса, защите их прав и интересов, помогает изменить представление о психически больных людях в общественном сознании, оказывает поддержку людям с психическими расстройствами и их семьям и помогает предотвратить инвалидность в результате психических заболеваний.

Литература

1. Новостной сайт «Newsru.com» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/30jan2007/russkiepsihi.html>. (Дата обращения: 15.04.2017).
2. Campbell T.L. Effectiveness of family interventions for physical disorders // J. Marital Family Ther. 2003. Vol. 29, N 2. P. 263-281.
3. McFarlane W.R., Lukens E., Link B. et al. Multiple-family groups and psychoeducation in the treatment of schizophrenia // Arch. Gen. Psychiatry. 1995. Vol. 52. P. 679-687.
4. Pfammatter M., Junghan U.M., Brenner H.D. Efficacy of psychological therapy in schizophrenia: conclusions from meta-analyses // Schizophr. Bull. 2006. Vol. 32. N 1. P. 64-80.
5. Гурович И.Я., Семенова Н.Д. Психосоциальные подходы в практике лечения и реабилитации шизофрении: Современные тенденции // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. Т. 17. № 4. С.78-85.
6. Boyd J.L., McGill C.W., Falloon I.R. Family participation in the community rehabilitation of schizophrenics // Hosp. Comm. Psychiatry. 1981. Vol. 32, N 9. P. 629-632.

**ORGANIZATION OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE
TO RELATIVES OF MENTALLY PATIENTS:
ANALYSIS OF ASSISTANCE FORMS**

L.A. Kornilova

Considered of the organization of existing types and forms of social and psychological assistance to families with a mentally patients. Analyzed the efficiency of the social and psychological interventions and emphasizes the need for individual cases.

Keywords: mental health, social work with family, social and psychological help to relatives, group rehabilitation, psychoeducation, family therapy.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА В ХОСПИСЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

А.А. Костригин

artdzen@gmail.com

Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского

Рассматриваются ведущие направления зарубежных исследований психологических аспектов лечения неизлечимо больных, а также деятельности психолога в хосписах. Анализируются психологические особенности неизлечимо больных пациентов, психологические феномены в работе персонала хосписа, психологическая работа с персоналом хосписа, психологические аспекты управления и подбора персонала и участие психолога в разработке курса лечения пациента.

Ключевые слова: хоспис, психолог, психологическая помощь, неизлечимо больной, медперсонал.

Одной из наиболее актуальных и социально востребованных сфер применения практической психологии [1; 2] является психологическая помощь неизлечимо больным в хосписе. Российская наука и практика столкнулась с организацией движения паллиативной медицины несколько позже, чем это произошло за рубежом. Среди ведущих психологических исследований в области психологического сопровождения больных в хосписе можно отметить работы М.М. Абдуллаевой, О.С. Киени; Т.А. Богдановой, С.О. Перминовой; А.В. Гнездилова; А.А. Костригина, Т.М. Хусяинова; С.А. Леоненковой, М.В. Вагайцевой; В.В. Миллионщиковой; П.И. Сидорова, М.Н. Панкова; Н.В. Тарабриной, О.А. Вороны, М.С. Курчаковой, М.А. Падун, Н.Е. Шаталовой [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Российские исследования сосредоточены на следующих направлениях: организационные аспекты психологической помощи, методы психологической помощи и консультирования, экзистенциальные переживания пациентов, психологические явления, сопровождающие болезнь, психологические трудности в работе персонала хосписа.

Зарубежные исследования психологических аспектов паллиативной медицины и психологической деятельности в хосписах начались раньше и движутся в несколько другом направлении, хотя и с сохранением необходимо ядра тематики.

В данной статье автор рассмотрит ведущие направления зарубежных исследований в области психологической деятельности в хосписах.

Психологические особенности неизлечимо больных пациентов

Важной сферой исследований в целях совершенствования практики психологической помощи умирающим больным является исследование характеристик их личности.

М. Lloyd-Williams, Т. Friedman, N. Rudd исследовали такие феномены, как тревожность и депрессия у пациентов, используя методику «Hospital anxiety and depression scale» (Шкала тревожности и депрессии в больнице) [10]. По их данным, больные в конце жизни (что является спецификой данного контингента пациентов) характеризуются высокой ангедонией как установкой. Исследователи предлагают для изучения данных феноменов использовать комплекс методик, т.к. потеря радости может быть специфичной не только у неизлечимо больных, но и у пожилых людей.

В работе Н. Chochinov, Т. Hack, Т. Hassard, L. Kristjanson, S. McClement & М. Harlos показаны особенности проявления воли к жизни у пациентов с последними стадиями рака [11]. Результаты установили высокие корреляции между экзистенциальными, психологическими и социальными переменными и желанием жить. Феномен «стремления к жизни» у пациентов фрустрируется показателями их физического состояния и вызывает депрессию. Авторы исследования критикуют психотерапевтов, которые лечат симптомы депрессии, и рекомендуют им перенести фокус терапии на улучшение условий проживания в больнице.

М. Ardel & С. Koenig раскрывают высокую значимость для умирающих больных религии [12], выделяя внутреннюю и внешнюю религиозность. По их данным, ощущение смысла жизни позитивно влияет на субъективное ощущение благополучия, но негативно на переживание страха смерти. Внутренняя религиозность косвенно позитивно влияет на ощущение субъективного благополучия и напрямую обуславливает принятие смерти. Однако внешняя религиозность может вызывать тревогу при мыслях о смерти.

Обобщая это направление исследований, отметим, что они касаются в основном специфических личностных характеристик, не затрагивая личности в целом.

Психологическая работа с персоналом хосписа

Данные исследования направлены на изучение психологического состояния медперсонала, его консультирования и тренинга навыков.

В работе Yu. Chentsova-dutton, S. Shuchter, S. Hutchin, L. Strause, K. Burns & S. Zisook изучались проблемы психологического здоровья коллекти-

ва сотрудников хосписа [13]. Показано, что сотрудники переживают высокий уровень депрессии, тревожности, злости, а также психосоматические проблемы здоровья. При этом данные проблемы встречаются в любом возрасте. Рекомендуется консультирование с психологом.

C. Mitchell & I. Shuff выявляли личностные особенности волонтеров, участвующих в уходе за больными [14]. Использовалась методика Майерс-Бриггс. Установлено, что волонтеры характеризуются экстравертностью, интуитивным принятием решений и чувствительностью. Последнюю характеристику авторы считают ключевой, т.к. специфика работы в хосписе отличается своей загруженностью именно чувственным содержанием: нужды пациента, боль, лечение, другая рутинная работа.

R. Yancik описывает особенности совладания с эмоциональным стрессом в работе сотрудников хосписа [15]. Он выделяет два способа, с помощью которых медперсонал может контролировать стресс: внутренние (самооценка, ощущение своего мастерства) и внешние (помощь и поддержка коллег и психолога).

S.J. Yardley, C.E. Walshe & A. Part исследовали необходимость использования в своей работе персоналом методов духовной работы, направленной на прояснение смысла жизни, судьбы, принципов жизни, анализа своего прошлого, достижений и ошибок. [16]. Чтобы сформировать компетенцию общения с пациентами на такие темы, разработан тренинг духовной заботы, в рамках которого сотрудник хосписа должен сначала сам произвести рефлексию на заданные темы, чтобы быть с больным наравне.

Наконец, Ch. Garfield, D. Larson & D. Schuldberg предлагают комплексный психологический тренинг, вырабатывающий систему навыков для работы с неизлечимо больными [17]. Ученые выявили наиболее востребованные медперсоналом навыки:

1) связанные с пациентом: взаимодействие со сложными пациентами, сообщение информации о диагнозе и лечении, помощь пациенту понять его отношение к членам его семьи, совладание со стрессом от лечения, работа с кризисными ситуациями, работа с пациентами, чья речь нарушена, установление взаимодействия с пациентом;

2) связанные с коллегами и собственной профессиональной деятельностью: профилактика эмоционального выгорания, эффективное взаимодействие с коллегами, развитие коллектива специалистов различного профиля, эмоциональная поддержка персонала, профессиональные вопросы, связанные с тяжелыми пациентами;

3) связанные с межличностными взаимоотношениями: навыки межличностного общения (слушание, эмпатия, концентрация, ответ), навыки получения информации (интервью, заполнение истории), навыки передачи информации и консультирования (обучение, совет), навыки психологической помощи (поддержка, контроль эмоций), навыки супервизорства.

Участие психолога в разработке курса лечения пациента

Последнее направление, которое будет рассмотрено, заключается в участии психолога в выборе лекарств для обезболивании пациентов с онкологией и другими заболеваниями. К. Dell'Angela отмечает значимую роль клинического психолога в исследовании особенностей переживания боли пациентом, его типа личности, и данная информация может быть положена в основу подбора лекарств для конкретного пациента [18].

Заключение

Представленные направления зарубежных исследований психологической деятельности в хосписе доказывают необходимость работы психолога в данных учреждениях и дальнейшего развития этих технологий. Однако стоит отметить, что в публикациях отсутствует тематика, касающаяся деятельности самого психолога, рефлексии проблем психологической деятельности, требований к личности специалиста, совершенствования методов психологического сопровождения неизлечимо больных.

Литература

1. Антоненко И.В. Сущность доверия как социально-психологического явления // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 3 (76). С. 34-43.
2. Карицкий И.Н. Системогенез психологической практики // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 22. С. 36-39.
3. Абдуллаева М.М., Киеня О.С. Особенности мотивационной направленности медицинских работников хосписов // Национальный психологический журнал. 2010. №. 2. С. 80-86.
4. Богданова Т.А., Перминова С.О. Экзистенциальная проблема столкновения со смертью и особенности ее преодоления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 6. №. 2. С. 4-12.
5. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. СПб., 2002. 162 с.

6. Костригин А.А., Хусяинов Т.М. Психологическое сопровождение неизлечимо больных в хосписе как социально-гуманитарная практика современности // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 4 (32). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/04/6395>. (Дата обращения: 23.03.2017).

7. Леоненкова С.А., Вагайцева М.В. Особенности работы с умирающими онкологическими пациентами и их близкими // Сборник тезисов VI Всероссийского съезда онкопсихологов. М.: АНО «Проект СО-действие», 2014. С. 53-54.

8. Тарабрина Н.В., Ворона О.А., Курчакова М.С., Падун М.А., Шаталова Н.Е. Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Институт психологии РАН. 2010. 176 с.

9. Хосписы. Сборник материалов: литературный обзор, рекомендательные и справочные материалы // Отв. ред. В.В. Миллионщикова, С.А. Полишкис, Е. Кадетова. М., 2011. 528 с.

10. Lloyd-Williams M., Friedman T., Rudd N. An analysis of the validity of the hospital anxiety and depression scale as a screening tool in patients with advanced metastatic cancer // Journal of pain and symptom management. 2001. Vol. 22. №. 6. P. 990-996.

11. Chochinov H., Hack T., Hassard T., Kristjanson L., McClement S., Harlos M. Understanding the will to live in patients nearing death // Psychosomatics. 2005. № 46. P. 7-10.

12. Ardeli M., Koenig C. S. The role of religion for hospice patients and relatively healthy older adults // Research on Aging. 2006. Vol. 28. №. 2. P. 184-215.

13. Chentsova-dutton Yu., Shuchter S., Hutchin S., Strause L., Burns K., Zisook S. The psychological and physical health of hospice caregivers // Annals of Clinical Psychiatry. 2000. № 1. P. 19-27

14. Mitchell C., Shuff I. Personality characteristics of hospice volunteers as measured by Myers-Briggs Type Indicator // Journal of Personality Assessment. 1995. № 3. P. 521-532.

15. Yancik R. Coping with hospice work stress // Journal of Psychosocial Oncology. 1984. № 2. P. 19-35.

16. Yardley S.J., Walshe C.E., Parr A. Improving training in spiritual care: a qualitative study exploring patient perceptions of professional educational requirements // Palliative Medicine. 2009. № 23. P. 601-607.

17. Garfield Ch., Larson D., Schuldberg D. Mental health training and the hospice community: a national survey // Death Education. 1982. № 6. P. 189-204.

18. Dell'Angela K. The role of the clinical psychologist in acute pain management // Techniques in Regional Anesthesia and Pain Management. 1997. Vol. 1. № 2. P. 72-78.

**DIRECTIONS OF PSYCHOLOGISTS'S ACTIVITY IN HOSPICE
(ON MATERIALS OF FOREIGN RESEARCHES)**

A.A. Kostrigin

The article deals with the leading directions of foreign studies of the psychological aspects of the treatment of the terminally ill, as well as psychologist's work in hospice. The authors analyze the psychological characteristics of terminally ill patients, psychological phenomena in the work of the hospice staff, the psychological work with the staff of the hospice, the psychological aspects of management and selection of staff and the psychologist's participation in the development of the course of patient's treatment.

Keywords: hospice, psychologist, psychological care, terminally ill, medical staff.

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ПОМОЩИ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.А. Лакомова

nastyalakovova@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Автор представляет результаты исследования об основных институтах помощи мигрантам, источниках информированности о некоммерческих организациях и государственных социальных учреждениях в Нижегородской области. Анализирует роль данных институтов в социальной адаптации мигрантов.

Ключевые слова: мигранты, социальная адаптация, помощь, некоммерческие организации, социальные учреждения.

Тема социальной адаптации мигрантов является актуальной и дискуссионной в современном мире. США (45,8 млн. человек), Россия (11 млн.) и Германия (9,8 млн.) являются основными странами по привлечению большого числа мигрантов, согласно докладу Комиссии по народонаселению и развитию ООН «Международная миграция и развитие 2013» [1]. Большинству из мигрантов требуется помощь в решении проблем социальной адаптации (поиск жилья, подходящей работы, изучение языка, культуры, налаживание взаимоотношений с местными жителями, оформление документов и т.п.).

Ученые начали уделять внимание изучению социальной адаптации мигрантов со второй половины 19 века. Значительный вклад внес американский социолог Р.Э. Парк. Он исследовал иммигрантские сообщества в американских городах и рассматривал социальную адаптацию мигранта в русле помещения его в новое культурное общество и приспособления к нему [2, с. 882-883].

Австрийский социолог А. Шюц обозначает мигранта как чужака, а его социальная адаптация представляет собой непрерывный процесс исследования культурного образца социальной группы, с которой он сближается [3, с. 533-535].

Стоит отметить современные исследования. Г.Д. Гриценко и Т.Ф. Маслова рассматривают в сравнении особенности адаптации вынужденных переселенцев и добровольных мигрантов [4, с. 83-84]. Многие авторы исследуют отдельно социальную адаптацию женщин-мигрантов (Е.В. Тюрюканова [5]),

детей-мигрантов (Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина [6]) и трудовых мигрантов (В.И. Мукомель [7]).

Несмотря на то, что тема социальной адаптации мигрантов освещена в современной литературе в различных аспектах, как правило, авторы не уделяют должного внимания институтам помощи социальной адаптации мигрантов.

За последние 5 лет увеличивается роль создания и внедрения программ по социальной адаптации и интеграции мигрантов в России. Сотрудничество и налаженное взаимодействие социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), волонтерских движений, общественных организаций, государственных социальных и образовательных учреждений, работающих с мигрантами и помогающих им, способствуют успешной реализации данных программ. Кроме того, стоит учитывать неформальные институты помощи, к которым можно отнести семью и близкое социальное окружение, этническую общину, коллег по работе и местных жителей. Необходимо отметить, что миграционная ситуация в регионах России имеет свою специфику. Разные программы должны выстраиваться с учетом текущих преобладающих проблем мигрантов, проживающих в определенном регионе. Учитывая это, специалисты, работающие с мигрантами, могут разработать стратегию адаптации приезжего лица с учетом личностных потребностей и мотивов для решения их трудных жизненных ситуаций.

Нижегородская область является привлекательным регионом для потока мигрантов. Мигранты приезжают в данный регион в основном с целью трудоустройства или обучения. В 2015 г. в Нижегородскую область прибыло 33 225 мигрантов из разных стран, выбыло 32 523 человека, таким образом, миграционный прирост составил 702 человека [8]. Мигранты, приезжая в данный регион, могут столкнуться с различными проблемами, которые являются барьерами в процессе их социальной адаптации.

Для изучения распространенных институтов помощи мигрантам проведено исследование с помощью метода индивидуального анкетирования на базе Межрегиональной благотворительной общественной организации «Приволжский миграционный центр» (МБОО «Приволжский миграционный центр») в Нижегородской области с ноября 2015 г. по март 2016 г. Были опрошены 85 мигрантов в возрасте от 18 до 45 лет, среди них 34 женщины и 51 мужчина, прибывших из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Армении, Молдовы, Киргизии, Казахстана и с Украины. Всего в МБОО «Приволжский миграционный центр» в указанный период обратилось 285 мигрантов.

Задачи исследования включают в себя:

1. Выявить предпочитаемые мигрантами институты помощи у мигрантов и причины такого выбора.
2. Изучить источники информирования мигрантов о предоставлении им помощи.

Согласно результатам исследования, главным институтом помощи для мигрантов являются члены семьи и родственники (38,8%). Причиной этого, по мнению, мигрантов, является высокий уровень доверия к ним и взаимопомощи. В ходе исследования на открытый вопрос в анкете, «Почему Вы обратились именно к ним/в эти учреждения, организации за помощью?» мигранты давали следующие ответы. *«Семья не обманет, всегда помогает мне»* (м., 28 лет, Узбекистан, 6 лет пребывания в России), *«Я доверяю только близким родственникам и своей семье, потому что здесь я пока чужой»* (м., 32 года, Таджикистан, 4 года пребывания в России), *«Никогда не отказывали в помощи мои родственники»* (ж., 35 лет, Армения, 8 лет пребывания в России), *«В семье не обманут, в учреждениях могут обмануть»* (м., 39 лет, Таджикистан, 2 года пребывания в России). Можно отметить, что некоторые респонденты не доверяют в полной мере различным учреждениям, помогающим мигрантам, так как чувствуют себя чужими на начальных этапах адаптации в данном регионе, боятся, что их обманут, в том числе, окажут помощь в неполной мере. Возможно, мигранты боятся обращаться в учреждения, потому что не все документы оформлены должным образом, но в ходе опроса респонденты не подтвердили свое нелегальное нахождение на территории России.

Всё же 21,2% респондентов утверждают, что, если им срочно понадобится помощь, то они обратятся в некоммерческие организации и социальные учреждения. Некоторые из мигрантов отвечали на открытый вопрос следующим образом. *«Я второй раз обратился в Приволжский миграционный центр, мне всегда помогают»* (м., 42 года, Азербайджан, 5 лет пребывания в России), *«В Приволжском миграционном центре хорошие люди работают, добросовестно помогают»*. (ж., 35 лет, Украина, 3 года пребывания в России). 15,3% мигрантов примут помощь от друзей и 8,2% – от представителей этнической общины.

Несмотря на то, что основным институтом помощи мигрантам была выявлена семья и близкие родственники, большая часть мигрантов обращалась (один или более раз) в некоммерческие организации (НКО) или государственные социальные учреждения (61,2%) за помощью. Оставшаяся часть опрошенных респондентов (38,8%) обращались за помощью либо в Феде-

ральную миграционную службу (сегодня – Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации), либо к близкому социальному окружению, членам семьи и этнической общине.

Диаграмма 1

Результаты исследования опровергли гипотезу, что мигранты часто испытывают трудности в социальной адаптации в новом обществе из-за низкого уровня информированности об учреждениях, оказывающих им помощь. Большая часть респондентов (74,1%) информированы о деятельности СО НКО, социальных учреждений и других организаций, предоставляющих помощь мигрантам. Основными источниками информации о данных организациях являются знакомые или друзья (61,2%), коллеги по работе (31,8%), Интернет: специальные сайты, форумы (28,2%), работодатель (25,9%) и Главное управление по вопросам миграции МВД России – ГУВМ МВД России (24,7%).

Интересно было анализировать результаты исследования, касающиеся обращаемости мигрантов в социальные учреждения, СО НКО и организации, предоставляющие им услуги. Больше половины респондентов (61,2%) обращались в данные учреждения, оставшаяся часть (38,8%) не обращались в основном из-за незнания об их местонахождении и деятельности. Только 5,9% опрошиваемых респондентов, не обращающихся в эти учреждения, отметили,

что боялись отстаивать свои права под угрозой увольнения или депортации со стороны работодателя или правоохранительных структур, поэтому не воспользовались услугами организаций, оказывающих юридическую и иную помощь. Мигранты, имеющие сложные ситуации юридического характера (неправильно оформлены документы, трудоустроены неофициально, а вынуждены уйти на лечение в связи с ухудшением здоровья и др.), не обращаются в НКО за помощью из-за страха быть уволенными и не найти подходящую работу в течение короткого промежутка времени. Некоторые из них не хотят обращаться в государственные учреждения и НКО из-за неполного пакета документов, часть которых может быть утеряна при переезде, либо находится у работодателя, либо ожидается срок их оформления и выдачи.

Т а б л и ц а 1

Источники информации о СО НКО и социальных учреждениях,
оказывающих помощь мигрантам, %

Источник информации	Количество респондентов
Друзья, знакомые	61,2
Коллеги по работе	31,8
Интернет	28,2
Работодатель	25,9
ГУВМ МВД России	24,7
Близкие родственники	17,6
Члены этнической общины	14,1

Таким образом, институты помощи в случае налаженного взаимодействия могут выступать регуляторами социальной адаптации и интеграции мигрантов. Исследование, в ходе которого выявляются распространенные институты помощи, источники информированности о специальных НКО и государственных социальных учреждениях, позволяют учитывать современные реалии миграционной ситуации в регионе при создании и реализации программы, позволяющей выработать стратегию работы с мигрантами с применением, в том числе, индивидуального подхода.

Литература

1. Доклад о работе сорок седьмой сессии Комиссии по народонаселению и развитию ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources (дата обращения 29.04.2017 г.).

2. Park R.E. Human migration and the marginal man / R.E. Park // Chicago: American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. № 6. P. 881-893. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: http://www.suz.uzh.ch/Park_Marginal_Man.pdf. (Дата обращения: 29.04.2017).

3. Шюц А. Избранное: Мир, святящийся смыслом / А. Шюц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с. ISBN 5-8243-0513-7.

4. Гриценко Г.Д. Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция / Г.Д. Гриценко, Т.Ф. Маслова // Социологические исследования. – 2010. № 5.С. 82-86.

5. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Тюрюкановой Е.В. – М.: МАКС Пресс, 2011. 118 с.

6. Зборовский Г.Е. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80-91.

7. Мукомель В.И. Профили трудовых мигрантов в России (по материалам социологического исследования) – выступление на Двенадцатом заседании Научного совета Федеральной миграционной службы, 24 апреля 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/208/mykomel.pdf>. (Дата обращения 10.03.2017).

8. Миграция населения за 2015 год / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Нижегородской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources/. (Дата обращения: 29.04.2017).

THE ROLE OF INSTITUTIONS OF ASSISTANCE IN THE SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANTS (ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

A.A. Lakomova

In the article the author presents the results of the research on the primary institutions of assistance to migrants, sources of information about non-profit organizations and state social institutions in the Nizhny Novgorod region. The author also analyzes the role of these institutions in the social adaptation of migrants.

Keywords: migrants, social adaptation, assistance, non-profit organizations, social institutions.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ ПОДРОСТКОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АБРИС ИССЛЕДОВАНИЙ**

Р.А. Лимонченко, О.А. Белобрыкина

romaleg@mail.ru; olga.belobrykina@gmail.com

Новосибирский государственный педагогический университет

Представлен исторический обзор исследований девиантного поведения подростков в отечественной психологии. Показано, что в настоящее время девиантное поведение определяется как систематическое отклонение от социальных норм из-за множества причин: личностных, семейных, образовательных, функционирования общества в целом.

Ключевые слова: девиантное поведение, отечественная психология, подростковый возраст.

В последние десятилетия в обществе наблюдается рост числа правонарушений несовершеннолетних. Большая их часть приходится на подростковый возраст, который по праву считается не только периодом бурного психофизиологического созревания, но и расширения сфер социальной активности. При общей нестабильности социума на выбор подростком стратегии поведения начинают влиять не столько родители, сколько круг сверстников и референтных взрослых, включая молодежных кумиров, СМИ, а также многообразие форм медиакоммуникации, что повышает риск появления поведенческих отклонений. Можно полагать, что обращение к историогенезу позволит не только раскрыть динамику изменения представлений о девиантном поведении подростков в отечественной психологии, но и обосновать наиболее ресурсные пути их психолого-педагогического сопровождения, включая определение наиболее патогенных сфер формирующейся личности, требующих своевременного профессионального вмешательства.

В 20-30-е гг. XX в. происходило активное становление отечественной психологии как самостоятельной науки на основе материалистической парадигмы. Ряд проблем (развитие высших психических функций, психологические основы организации обучения, причины девиантного поведения и др.) исследовался с учётом принципа целостности поведенческих актов и главенства социально-культурной среды как фактора, влияющего на становление личности [1]. Наибольшую выраженность поведенческих отклонений исследователи зафиксировали именно в подростковом возрасте, что и послужило основанием их детализированного описания. Так, В.И. Куфаев предлагал рас-

смагивать три категории трудновоспитуемых детей: 1) особо трудные, или *социально запущенные в глубокой степени* (систематически совершающие преступления как в семье, так и вне ее; дети – организаторы преступных группировок); 2) *социально запущенные средней степени* (дети, совершающие систематические нарушения в семье – воруящие дома, устраивающие побег из семьи); 3) *социально запущенные легкой степени* (безнадзорные дети, характеризующиеся «дурным» поведением в школе, семье и детдоме). При этом исследователь отмечал, что «в отношении возраста каждая из 3-ех групп имеет сравнительно мало различий. Если взять группу особо трудных, то среди них преимущественно ребята 12-13-16 лет; средней степени – это дети в возрасте 11-15 лет; в группе социально запущенных легкой степени преобладают дети в возрасте 9-14 лет» [2, с. 7].

Начиная с середины 30-х гг. XX века наблюдается резкий спад исследований подростковых девиаций в связи с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Под прицелом особой критики и запрета оказались работы педологов (П.П. Блонского, А.Г. Цейтлина, М.М. Шершена и др.) и сотрудничающих с ними психологов (Г.И. Челпанова, Л.С. Выготского) [3]. Только к началу 60-х гг. XX века вновь начинает заметно актуализироваться научный интерес к проблеме девиантного поведения личности и его проявлений в подростковом возрасте. Например, Д.И. Фельдштейн полагал, что отклонения в поведении подростка возникают в связи с его «отрывом» от микросреды – семьи и школьного коллектива, и это «вызывает аномальную направленность естественных потребностей подростка в самосознании, самоутверждении, общении, товариществе, активности и пр.» [4, с. 13]. Аномальная направленность, по мысли ученого, прослеживается в эгоистических и общественно отрицательных потребностях; искаженных представлениях о дружбе, товариществе, долге и чести; деформации духовных, познавательных и эстетических потребностей (например, в отсутствии интереса к учебной деятельности без нарушения интеллектуальных возможностей); низкой культуре досуга, интересе к бесцельному времяпрепровождению и стремлении исполнять свои желания вопреки требованиям окружающих [4].

Ближе к 90-м гг. XX в. начинают более остро вставать проблемы ранней алкоголизации и наркотизации, социального инфантилизма и противоправного поведения подростков [5]. Возрастание поведенческих нарушений связывали, прежде всего, с тотальными социально-экономическими и политическими трансформациями российского общества, происходящими на рубеже XX-XXI вв. Так, Л.А. Радзиховский отмечал, что в российском обществе рез-

ко изменилось отношение к неформальным молодежным объединениям (НМО): в прошлом запрещённые, они вошли в моду, начали отражаться в прессе и кинематографе. Возникал закономерный вопрос – способствуют ли НМО объединения социально-психологическому развитию подростков, или, наоборот, закрепляют асоциальные формы поведения, и поэтому их нужно запрещать? Сам автор считал, что их существование в обществе – норма, а психологам и педагогам следует помогать подросткам, входящим в такие объединения, избавляться от жесткого стереотипа «свободного поведения» с помощью формирования конструктивно-оценочного отношения к самим НМО [5].

Значительные изменения во взглядах на исследование поведенческих нарушений в подростковом возрасте произошли, начиная с 1992 г. С социально-психологических позиций этот период развития научных представлений в области девиантологии можно охарактеризовать как этап острого противоречия между ориентацией одной части общества на индивидуализм с отрицанием базовых категорий ценностей (добро – зло, истина – ложь и т.д.), а другой – приоритетом общества над личностью (следование личности жёстким нормам и правилам поведения, обеспечивающим развитие общества) [6]. По сути, были заданы двойные стандарты общественного существования человека, которые в свое время остро критиковал Э. Фромм в работах «Иметь или быть», «Бегство от свободы» и др., проявляющиеся в том, что на фоне декларации значимости универсальных ценностей шло их полное отрицание в реальной практике. Именно такая ценностная конфронтация, по мнению Л.Б. Филонова, привела к росту отклоняющихся форм поведения, пагубных для всего общества (преступность, наркомания, суициды и др.). Учёный полагал, что «нестабильность общества порождает представление у людей об отсутствии привычных опорных точек, которые выполняют роль регулирующей основы, то есть отсутствие устойчивых ценностей, образцов и норм» [7, с. 93]. В этот период в проблемном поле социальных наук произошло обновление понятийных категорий, в частности, вместо термина «отклоняющееся поведение» стали чаще употреблять понятие «девиантное поведение». Существует предположение, что в отечественный категориальный аппарат науки оно пришло из западной социологии и изначально имело широкую трактовку, рассматривалось как результат социальной дезорганизации – «социального вакуума, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились» [8, с. 42]. Вместе с тем, в качестве основной предпосылки девиантного поведения признавалась аномия. В настоящее время в отечественной психологии понятия «отклоняющееся пове-

дение», «девиантное поведение» и «трудное поведение» подростков являются синонимичными и понимаются как систематическое и неслучайное отклонение от норм, их нарушение [9].

В целом, обзор генезиса представлений о девиантном поведении позволяет не только осмыслить причинно-следственные связи возникновения поведенческих нарушений и расширения их форм проявления в подростковом возрасте, но и систематизировать и обобщить научные достижения для обоснования необходимости комплексного подхода к сопровождению подростков с поведенческими нарушениями. В связи со спецификой эмоциональной сферы девиантных подростков (пониженный уровень эмпатии, повышенная эмоциональная возбудимость, высокий уровень агрессивности и др. [4; 7; 9]), негативно сказывающихся на их социальном развитии, формирование высших форм эмоций и их амплификация представляет наибольшую актуальность в современных социокультурных условиях.

Литература

1. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. Л.: Госиздат, 1930. 231 с.
2. Трудные дети и подростки и методы работы с ними в детучреждениях (по материалам Московского областного совещания заведующих детскими домами 15-19 декабря 1933 г.) / Под ред. О.М. Бел, В.И. Куфаева. М.: Управление детскими домами МООНО, 1934. 95 с.
3. Против педологических извращений: сборник статей И.Ф. Сवादковского, С.Л. Рубинштейна, Л.Е. Раскина / Под общ. ред. И.Ф. Сवादковского. Л.-М.: ГУПИ, 1937. 76 с.
4. Фельдштейн Д.И. Трудный подросток (некоторые психологические вопросы формирования личности детей подросткового возраста). Душанбе: Ирфон, 1972. 184 с.
5. Психологические проблемы выявления и коррекции отклоняющегося поведения школьников: Сб. науч. тр. / отв. ред. Д.И. Фельдштейн. М.: АПН СССР, 1990. 159 с.
6. Иванов А.В., Фотиева И.В. Социально-психологический портрет современной молодежи: оценка системы ценностей // Мир науки, культуры, образования. 2014. №4 (47). С. 394-396.
7. Филонов Л.Б. Проблема анализа отклонений в поведении, развитии и структуре личности // Личность и ее мотивационная структура: Сб. научных трудов / Под ред. В.Г. Леонтьева. Новосибирск: НГПУ, 2000. С. 93-95.
8. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). М.: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.

9. Шнейдер Л.Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности. М.: МПСУ, 2016. 300 с.

REPRESENTATIONS OF THE DEVIANT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS IN RUSSIAN PSYCHOLOGY: HISTORICAL REVIEW OF RESEARCHES

R.A. Limonchenko, O.A. Belobrikina

The article presents historical review of deviant behavior's researches in the domestic psychology. Now the deviant behavior is defined as systematic deviation from social norms because of a variety of reasons: personality, family, educational, the functioning of society as a whole.

Keywords: deviant behavior, domestic psychology, teen age.

**РОЛЬ ПАРТИСИПАТОРНЫХ ПРАКТИК
И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РЕАЛИЗАЦИИ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ**

П.И. Макаров

makarovpi@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматриваются понятия «помогающие профессии» и «партиципаторность», а также обосновывается необходимость применения партиципаторных практик и социологических исследований при реализации помогающих профессий.

Ключевые слова: помогающие профессии, партиципаторность, социологические исследования.

Понятие о помогающих профессиях появилось в научной среде относительно недавно, однако уже успело занять свое место в лексиконе – на эту тему пишутся монографии, статьи и диссертации. Очевидно, что суть таких профессий заключается в помощи людям, причем оказывается она, в основном, в результате прямого взаимодействия с нуждающимися в ней людьми. К числу таких профессий можно отнести врачей, педагогов, психологов, социальных работников. В настоящее время существует ярко выраженная тенденция того, что подобные профессии не пользуются широкой популярностью, поскольку люди не осознают в полной мере их важность. Однако, в ближайшей перспективе ситуация может кардинальным образом измениться за счет широкого распространения партиципаторных практик. Одновременно в число помогающих профессий должны войти социологические исследователи, поскольку получаемые ими данные оказывают существенное влияние на реализацию практики помогающих профессий.

Под категорией «помогающая профессия» исследователи понимают деятельность, при которой профессиональные знания и навыки осознанно используются для непосредственного взаимодействия с человеком, чтобы способствовать его в личностном росте, развитии, умении общаться с другими. Е.П. Кораблина в своих исследованиях [1] отмечает, что помогающая деятельность направлена на поддержку человека в сложных, критических моментах его жизнедеятельности и состоит в активизации в нем внутреннего психического потенциала, в передаче ему информационных, материальных и других ресурсов, необходимых в кризисных и проблемных ситуациях. Сама

помощь, осуществляемая через помогающую деятельность, может рассматриваться в нескольких планах – профессиональном и не профессиональном, а также на различных уровнях – духовном, душевном, эмоциональном, интеллектуальном, социальном, юридическом, физическом и материальном. С этой точки зрения, содействие реализации практики помогающих профессий может оказать использование набирающих большую популярность партисипаторных механизмов.

Партисипаторность определяется как ориентация на то, что граждане имеют или должны иметь право голоса в процессе принятия жизненно важных для них социальных решений. Исследователи сходятся во мнении, что начало популярности партисипаторных практик можно отнести к концу 70-х – началу 80-х гг. XX в. [2] Первоначально они использовались в рамках реализации различных моделей развития местных сообществ. Инициаторами были сами эти сообщества, а также различные национальные и международные организации. Развитие системы шло как в направлении обобщения практических решений, так и в направлении апробации теоретических построений. В дальнейшем данный подход нашел применение при решении широкого круга социальных задач [3]. При этом стоит отметить, что важную роль в реализации партисипаторных практик играют данные, получаемые в результате социологических исследований.

На первом этапе реализации механизма партисипаторности необходимым условием является получение достоверной информации об основных аспектах той проблемы, решение которой будет вырабатываться. С помощью основных методик сбора социологических данных – анкетные опросы и глубинные интервью можно получить такую информацию, а на ее основе максимально точно сформулировать проблему, решение которой в итоге и будет выработано. На этапе консультаций, а также в процессе выработки конечного решения на основе полученных ранее данных могут быть выявлены основные тенденции, присущие общественным группам, которые наиболее сильно нуждаются в социальных изменениях. Кроме того, на основе таких данных могут быть разработаны различные социальные проекты, реализация которых сможет помочь в решении рассматриваемой проблемы. На последнем этапе процесса, который состоит в осуществлении контроля результатов социальных изменений, вновь должны быть использованы основные методы сбора данных. В результате будет получено общественное мнение, анализ которого позволит сделать обоснованный вывод, в какой степени эффективно выработанное в ходе процесса совместного участия решение.

Необходимо четко осознавать, что чаще всего помогающий специалист оказывается перед необходимостью решения общечеловеческих проблем существования. При этом реализация помощи неразрывно связана не только с использованием методических средств, но и со способностью помогающего устанавливать помогающие отношения, поскольку она так или иначе осуществляется в процессе общения, взаимодействия помогающего и того, кому оказывается помощь. В таком случае использование партисипаторных практик может стать эффективным инструментом реализации помогающих профессий. Поскольку реализация партисипаторного механизма неразрывно связана с социологическими исследованиями, социологов вполне справедливо можно отнести к числу представителей помогающих профессий, что в значительной степени должно повлиять на значимость данной профессии в современном обществе.

Литература

1. Кораблина Е.П. Помощь и помогающие / Е.П. Кораблина, Л.А. Колчанова // Вестник Балтийской педагогической академии. 2002. Вып. 43. С. 143-145.
2. Bishop P., Davis G. Mapping Public Participation in Policy Choices // Australian Journal of Public Administration. 2002. Vol. 61. № 1. P. 14-29.
3. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография. Под общей ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Иващенко. Нижний Новгород – Москва: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. 268 с.

THE ROLE OF PARTICIPATORY PRACTICES AND SOCIOLOGICAL STUDIES IN THE IMPLEMENTATION OF HELPING PROFESSIONS

P.I. Makarov

The article considers concepts «helping professions» and «participation» and explain the need for participatory practice and sociological research in the implementation of helping professions.

Keywords: helping professions, participation, sociological research.

**РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
В АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ, ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ
БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, И ЛИЦ ИЗ ИХ ЧИСЛА
В ПОСТИНТЕРНАТНЫЙ ПЕРИОД**

Е.Е. Макарова

makarova_katerina91@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Отсутствие самостоятельности детей-сирот в постинтернатный период становится острой проблемой для современного общества. Для ее решения учреждения социальной защиты обеспечивают социальное сопровождение детей-сирот в возрасте от 18 до 23 лет. Поиск работы и содержание жилого помещения являются основными задачами социального сопровождения, результатом которого должна стать успешная адаптация детей-сирот к самостоятельной жизни.

Ключевые слова: дети-сироты, адаптация, социальное сопровождение, индивидуальный план, подготовка к самостоятельной жизни.

Ежегодно тысячи детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей (далее дети-сироты), становятся выпускниками домов-интернатов или замещающих семей. Как правило, выпускники не подготовлены к самостоятельному проживанию. Они не знают свои права и не исполняют обязанности, установленные законом, не обладают достаточным уровнем социальных компетенций, имеют узкий круг положительных социальных контактов, испытывают трудности при трудоустройстве и в повседневной жизни.

Находясь на полном государственном обеспечении, дети-сироты фактически не имеют самостоятельного выбора. Распорядок дня, досуг, круг общения четко регламентированы взрослыми (воспитателями, сотрудниками администрации). В условиях жесткого контроля у воспитанников детских домов нет необходимости брать на себя ответственность за происходящее в жизни, поэтому впоследствии у них не сформирована самостоятельность. На протяжении всего пребывания в доме-интернате у сирот не было значимого взрослого, который бы мог оказать помощь и поддержку [1, с. 280].

Сегодня в современных социально-экономических условиях остро встает вопрос о дальнейшей судьбе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигших совершеннолетия. Большинство выпускников детских домов или замещающих семей не умеют распределять финансовые средства, строить семейные отношения, не могут найти работу или поддерживать

конструктивные отношения с коллегами и начальством. У них четко выражена иждивенческая позиция: они ждут, что кто-то должен решить все их трудности.

Проблема социализации детей-сирот актуальна сегодня, и крайне необходимо решать ее таким образом, чтобы выпускники на пороге взрослой жизни не стали социальными иждивенцами, а могли самостоятельно действовать в различных жизненных ситуациях.

Данная проблема нашла свое отражение в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг., где одной из ключевых задач является создание системы постинтернатного сопровождения выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа для их успешной социализации в обществе.

Постинтернатное сопровождение – социально-психолого-педагогическое сопровождение выпускника сиротского учреждения (от 16 до 23 лет). Постинтернатное сопровождение включает в себя содействие в решении жилищных, правовых, социальных и других вопросов [2, с. 15].

Специалист по социальной работе, который берет на себя функцию социального сопровождения в постинтернатный период, оказывает комплексную помощь, которая включает в себя консультирование по социально-правовым вопросам, оформление документов различных государственных учреждений (например, в управляющей компании, органах опеки и попечительства и пр.), посещение детей-сирот по новому месту жительства, выявление проблем финансового или социально-бытового характера для дальнейшего их устранения.

На подготовительном этапе обязательным условием становится заключение договора об оказании услуги социального сопровождения, так как она является добровольной для детей-сирот. На следующем этапе важной задачей специалиста по социальному сопровождению становится составление индивидуального плана сопровождения в постинтернатный период с учетом результатов диагностики и выявленных проблем. В соответствии с индивидуальным планом выпускник совместно со специалистом осваивает необходимые социальные нормы. Результатом реализации индивидуального плана должна стать успешная адаптация выпускника к самостоятельной жизни [3, с. 125].

Отметим основные пункты индивидуального плана сопровождения:

- 1) условия проживания;
- 2) трудоустройство;
- 3) навыки самообслуживания;

4) финансовая грамотность.

Третий этап включает в себя мероприятия социальной адаптации, выбранные в соответствии с поставленными задачами.

Так как после 18 лет выпускник системы государственного обеспечения становится самостоятельным в выборе места проживания (он может вернуться в закрепленную жилплощадь, может получить жилье от государства либо проживать в съемной квартире/ комнате), необходимо проводить мониторинг адаптации к самостоятельному проживанию. Наиболее распространенной проблемой детей-сирот становится оплата жилищно-коммунальных услуг. Накопление задолженности становится острой проблемой как для самого жильца, так и для сотрудников государственных организаций (управляющей компании, органов опеки и попечительства и др.). В данной ситуации специалист по социальному сопровождению должен искать пути решения проблемы, например, посредством оформления субсидий или направления средств семейного капитала на погашение задолженности.

Оплата ЖКУ напрямую связана с трудоустройством детей-сирот. Дети-сироты выбирают неофициальное трудоустройство или предпочитают не работать. Отсутствие официального трудового договора позволяет детям-сиротам не соблюдать правила (опаздывать на работу, приходить в нетрезвом состоянии, не предоставлять лист нетрудоспособности), установленные работодателем, или в любой момент бросить занимаемое рабочее место. Подрабатывая в разных организациях (зачастую найти постоянную работу самостоятельно они не могут), дети-сироты имеют периодический заработок, которого хватает только на жизненно необходимые нужды. С другой стороны, работодатель, пользуясь незнанием детей-сирот прав в сфере трудового законодательства и отсутствием трудового договора, может задерживать зарплату работникам, выплачивать меньше, чем было обговорено, или уволить.

В этом случае задача специалиста по социальному сопровождению направить выпускника в центр занятости для поиска подходящего рабочего места, осуществлять контроль за посещением места работы и соблюдением условий трудового договора. Наравне с этими мероприятиями в индивидуальный план должны быть внесены консультации и обучающие семинары по основам законодательства и правовым вопросам.

Специалист по социальному сопровождению может оказывать содействие в получении образования. Поступление в образовательное учреждение поможет выпускнику детского дома овладеть рабочей профессией, обеспечит жилым помещением (общежитие) на время обучения и станет временным источником дохода (стипендия).

Следующая задача специалиста – научить распределять денежные средства, чтобы хватало на оплату жилья, покупку основных продуктов питания и

одежды по сезону. Большинство детей-сирот не умеют рационально распределять свой бюджет. Они тратят все деньги в первые несколько дней, а потом берут в долг у друзей или у бывших опекунов, приемных родителей, специалистов по социальному сопровождению. Если у детей-сирот появляется собственное жилье, а они не работают и уже достигли возраста 23 лет, квартира может длительный период пустовать, т.к. у них нет денег, чтобы купить мебель и бытовые приборы. В ситуации, когда детям-сиротам срочно нужна помощь, можно задействовать ресурсы служб социальной защиты (подать документы на материальную помощь, получить продуктовый набор или вещи б/у).

Но важнее после наступления совершеннолетия в форме тренингов (формирование личного/семейного бюджета) и ролевых игр (например, поведение в банке, поликлинике и пр.) объяснить детям-сиротам, что теперь им самим нужно заботиться о себе, умело распределять денежные средства и обеспечивать себя всем необходимым.

Одна из целей детей-сирот в постинтернатный период – создание своей семьи. После 18 лет многие выпускники сиротских домов и замещающих семей стремятся начать сожительство или вступить в брак. Стоит отметить, что особенно девушкам хочется реализоваться в роли жены и матери. Однако, отсутствие позитивного семейного опыта, неумение брать на себя ответственность и заботиться о детях приводят к повторению семейного сценария. Нерадивые матери оставляют своих малолетних детей на знакомых, бывших опекунов или сожителей. Кроме того, поиск партнеров осуществляется ими в замкнутой среде интернатных сверстников [4; с. 62]. Сами сожительства неустойчивы и неблагополучны, т.к. в семье часто происходят конфликты, нет постоянного дохода, и партнеры (супруги) не умеют организовывать свой досуг. Свободное время выпускники проводят по отдельности, в компании старых друзей, не редко прибегая к вредным привычкам.

Безусловно, не все семьи похожи одна на другую. Есть семьи (партнерства), которые заинтересованы в успешности своей семьи. Они стараются все свое время уделять детям и друг другу. А также прикладывают усилия, чтобы сформировать бюджет семьи, благоустроить свое жилище и обеспечить всем необходимым членов семьи. Для обеих категорий выпускников в индивидуальный план внесены обязательные консультации, касающиеся воспитания детей, решения конфликтов в семье и формирования семейного бюджета.

На четвертом этапе проводится диагностика социальной адаптации выпускников детских домов и замещающих семей к самостоятельной жизни. При отсутствии положительной динамики социальное сопровождение может быть продлено на очередной срок. В этом случае индивидуальный план корректируется, особое внимание уделяется той сфере, в которой нет изменений.

Все случаи постинтернатного сопровождения индивидуальны, потому что у всех детей-сирот своя жизненная история и характер. Крайне важно развивать систему постинтернатного сопровождения: искать новые технологии работы, проводить тренинги с детьми-сиротами, которые помогли бы им научиться самостоятельно принимать решения, преодолевать трудности и адаптироваться в обществе. Результатом оказания услуги по социальному сопровождению должно быть увеличение количества выпускников, сумевших улучшить свои условия жизнедеятельности.

Литература

1. Пустовойт Н.В., Сизанова Т.В. Региональная модель постинтернатного сопровождения детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа (на примере Республики Хакасия) // Молодой ученый. 2014. №13. С. 280-283.
2. Поддержка и психологическое сопровождение выпускников детских домов [Текст]: практическое пособие / Под ред. Д.А. Винокурова. Нижний Тагил, 2003. С. 1-79.
3. Решетко Ю.С. К проблеме постинтернатного сопровождения выпускников интернатных учреждений и замещающих семей // Международный студенческий научный вестник. 2013. № 2. С. 124-128.
4. Присяжная Н.В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство // Социологические исследования. 2007. №11. С. 54-63.

THE ROLE OF THE SOCIAL WORKER IN ADAPTATION OF ORPHANS, CHILDREN REMAINED WITHOUT PARENTAL CARE IN POSTRESIDENTIAL PERIOD

E.E. Makarova

The lack of independence of orphans in the post-institutional period becomes an acute problem for modern society. Social services provide social support for orphans aged 18 to 23 years to solve this problem. The main tasks of social support are job searching and independent accommodation. The result of social support is the successful adaptation of orphans to an independent life.

Keywords: orphans, adaptation, social support, an individual plan, preparation for an independent life.

**ВОСПРИЯТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
ОСУЖДЕННЫМИ (НА ПРИМЕРЕ ФКУ ИК-4 УФСИН РОССИИ
ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Е.А. Морозова, А.В. Ермилова

ekaterina.m.96@mail.ru; ermilova.75@bk.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Поднимается проблема восприятия осужденными социальной работы, осуществляемой в пенитенциарной системе, а именно выявляются: уровень информированности о проводимой социальной работе в данном учреждении и уровень удовлетворенности качеством услуг, оказываемых специалистом по социальной работе.

Ключевые слова: пенитенциарная социальная работа, осужденные, специалист по социальной работе, исправительная колония.

Несмотря на большое количество теоретико-прикладных разработок в области социальной работы в пенитенциарной системе, актуальность ее не снижается. Согласно статистике ФСИН России, на март 2017 г. в местах лишения свободы отбывало наказание 627 702 человека [1]. Институт проблем современного общества представил анализ состояния рецидива преступлений в нашей стране, согласно которому общий уровень преступности в России падает, но в то же время растет доля рецидивистов. В 2015 г. в местах лишения свободы лиц, впервые отбывавших наказание, насчитывалось 194,3 тыс. человек; лиц, отбывавших наказание второй раз – 131,3 тыс. человек; лиц, отбывавших наказание три и более раз – 199,5 тыс. человек [2]. Такая ситуация усугубляется тем, что в современных исправительных учреждениях практически отсутствует необходимое число подготовленных социальных работников-профессионалов, способных работать с различными категориями осужденных.

Пенитенциарная социальная работа – отрасль профессиональной деятельности по оказанию социальной помощи, поддержки и защиты осужденных в целях их исправления и ресоциализации в период отбывания наказания и реадaptации после выхода на свободу [3]. В исправительном учреждении осуществляет пенитенциарную социальную работу ряд структурных подразделений, в том числе и группа социальной защиты осужденных, куда входит специалист по социальной работе.

Пенитенциарная социальная работа имеет большое значение как для самого осужденного, его семьи и близкого окружения, так и для общества в целом. После отбывания наказания осужденный возвращается в социум, в котором он должен ресоциализироваться и реадаптироваться. Нельзя забывать, что успешность ресоциализации и реадаптации лиц, вышедших из мест лишения свободы, напрямую зависит от специалистов, осуществляющих социальную работу в пенитенциарной системе. Перед специалистами по социальной работе, подготавливающих осужденных к выходу из мест лишения свободы, стоит множество задач. Однако, по нашему мнению, одной из первоочередных является их трудоустройство, нерешение которой может подтолкнуть к рецидиву лиц, вышедших из тюрьмы.

Исследования в области пенитенциарной системы чаще всего касаются изучения характеристик самого контингента исправительных учреждений, в том числе и статусно-ролевых позиций осужденных, проблем взаимодействия сотрудников учреждения и лиц, отбывающих наказание, эмоционального выгорания сотрудников.

Нами было проведено пилотажное исследование, в ходе которого методом анкетирования было опрошено 42 осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии Владимирской области для мужчин, ранее имевших судимость. Цель исследования – выявить восприятие осужденными деятельности, осуществляемой специалистами по социальной работе в пенитенциарной системе. На основе изученной научной литературы мы предполагаем доказать следующее, во-первых, уровень информированности осужденных о проводимой социальной работе в колонии достаточно низок, во-вторых, осужденные вполне удовлетворены проводимой социальной работой в исправительном учреждении.

В целом по выборке в исследовании приняли участие мужчины преимущественно следующих возрастных категорий: 30-35 лет – 23,8% респондентов, 40-45 лет – 21,4%, 60 лет и старше – 14,3%. Уровень образования большинства опрошенных невысоко уровне, а именно среднее профессиональное (ПТУ) имеют 45,2% опрошенных осужденных; среднее специальное (техникум, колледж) – 21,4%; неполное среднее – 14,3%; полное среднее общее – 11,9%; высшее образование – 4,8% респондентов. Значительная часть опрошенных до попадания в места лишения свободы занимались трудовой деятельностью – 66,7%. Самый низкий показатель занятости опрошенных мы можем наблюдать в возрастной группе 40-45 лет – 44,4%, большинство из них отбывают срок уголовного наказания по статье 158 (кража) и находятся в данном учреждении до года. Такой социально-демографический признак, как

семейное положение, является значимым, т.к. сильно влияет на процесс реадaptации бывших осужденных. В связи с этим следует обратить внимание, что для значительной части рецидивистов характерен следующий семейный статус – холост (40%), что, в свою очередь, может осложнять процесс реадaptации заключенных, т.к. именно наличие тесных связей с семьей у отбывающих наказание способствует более быстрому приспособлению к изменившимся условиям.

Исследовательский интерес был направлен на выявление уровня информированности лиц, отбывающих наказание, о деятельности специалиста по социальной работе. Наблюдается достаточно высокий уровень информированности осужденных (66,7%) о деятельности специалиста в данном учреждении, что опровергает гипотезу исследования. Необходимо отметить, что самыми информированными являются респонденты в возрасте 30-35 лет (89%), для которых характерен стаж пребывания в исправительной колонии до одного года. В целом по выборке к специалисту по социальной работе апеллируют 54,8% участников опроса. Тем не менее, к специалисту по социальной работе больше обращаются лица, находящиеся в исправительном учреждении до года – 26% и в период от 1-3 лет – 26%, что может быть связано с трудностями адаптации к условиям исправительного учреждения (см. рис.1)

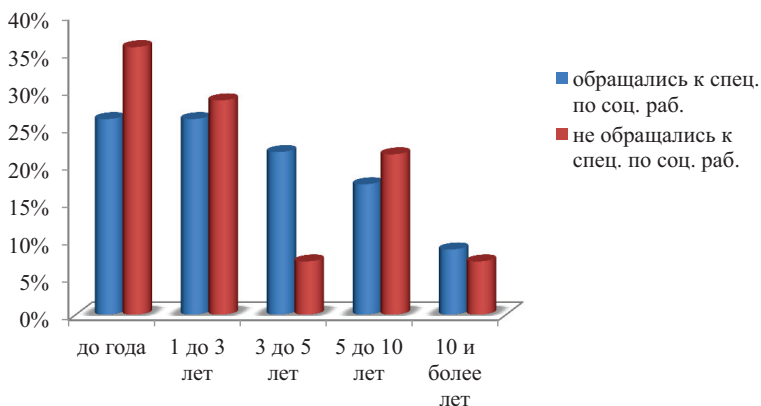

Рис.1. Обращаемость за помощью к специалисту по социальной работе в зависимости от стажа пребывания в исправительном учреждении, в % (N=42 чел.)

Среди обратившихся за помощью 61,9% респондентов ее получили. Проблемы, с которыми чаще всего обращаются осужденные – это помощь в оформлении необходимых документов и помощь в трудовом, бытовом устройстве после освобождения (см. табл. № 1). Содействие в трудовом и бытовом устройстве после освобождения предполагает: определение точного места проживания лица после его освобождения и выявление подходящих ему вакансий в том населенном пункте, куда он должен прибыть для проживания [4].

Т а б л и ц а № 1

Причины обращаемости осужденных к специалисту по социальной работе в зависимости от стажа нахождения в исправительном учреждении, в %
(N=26 чел.)

С какой проблемой обращались	Период нахождения в данном учреждении				
	до года	1 до 3 лет	3 до 5 лет	5 до 10 лет	10 и более лет
помощь в оформлении необходимых документов	66,7%	71,4%	80%	100%	100%
социально-правовая защита	0%	14,3%	0%	0%	0%
помощь в содействии в трудовом и бытовом устройстве после освобождения	50%	28,6%	20%	0%	0%

(итоговый процент превышает 100%, т.к. вопрос предполагал несколько вариантов ответа)

Необходимо указать, что независимо от стажа пребывания в колонии доминирует такая причина обращения лиц, отбывающих наказание, к специалисту по социальной работе, как помощь в оформлении документов, причем с приближением срока выхода из колонии значимость данного показателя увеличивается. Нами осознано была вынесена как отдельная проблема «помощь в оформлении необходимых документов» в связи с тем, что социально-правовая защита представлена здесь как соблюдение и отстаивание прав осужденных как граждан РФ (с учетом ограничений ввиду уголовного наказания). Надежда на помощь специалиста по социальной работе в содействии в трудовом и бытовом устройстве после освобождения с увеличением стажа пребывания в колонии резко снижается.

Оценка уровня удовлетворенности осужденных качеством предоставляемых специалистом по социальной работе услуг была осуществлена с помощью оценочной шкалы (от -5 до +5). 28% осужденных оценивают деятельность специалиста по социальной работе достаточно высоко («+4»); это в большинстве своем лица, отбывающие наказание в учреждении до года либо

5-10 и более лет. Тем не менее, есть не удовлетворённые проводимой работой (24%), связанной с ресоциализацией и реадaptацией осужденных. Данный контингент осужденных представлен в основном лицами, находящимися в колонии менее 5 лет.

Итак, нами был выявлен достаточно высокий уровень информированности осужденных о деятельности специалиста по социальной работе в данном учреждении. Следует отметить, что значительная часть осужденных удовлетворены качеством услуг, предоставленных специалистом по социальной работе. В связи с этим нельзя признать деятельность специалистов по социальной работе малоэффективной. Несмотря на то, что в выборке присутствуют лица, отбывающие наказание, не удовлетворенные деятельностью данного сотрудника, тем не менее, около 61,9% обратившихся за помощью ее получили, но эта помощь в большей степени связана только с восстановлением документов.

Литература

1. ФСИН РФ. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <[http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika /Kratkaya%20har-ka%20UIS/](http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/)>. (Дата обращения: 17.03.2017).
2. Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах / Аналитический отчет (версия для контролирующих органов); под ред. О.М. Киюциной, ИПСО. – СПб., 2016. 102 с.
3. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие / С.А. Лузгин, М.И. Кузнецов, В.Н. Казанцев и др. Под общ.ред. Ю.И. Калинина. – 2-е изд., испр. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006.
4. Российская Федерация [Электронный ресурс] Законы. Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы: [приказ: принят Мин. Юстиции 13 января 2006 г.: по состоянию на 17 марта 2017 г.]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12144685/#friends>. (Дата обращения: 17.03.2017).

**THE PERCEPTION OF PENITENTIARY SOCIAL WORK
WITH THE CONVICTS (ON THE EXAMPLE OF FKU IK-4
OF THE UFSIN OF RUSSIA IN THE VLADIMIR REGION)**

E.A. Morozova, A.V. Ermilova

The problem of the perception of convicts of social work carried out in the penitentiary system is raised, namely: the level of information about the social work in this institution and the level of satisfaction with the quality of services provided by the social worker.

Keywords: penitentiary social work, convicts, specialist in social work, correctional colony.

**«МОРЕ КИТОВ» КАК НОВАЯ ФОРМА
ШКОЛЬНОГО КИБЕРБУЛЛИНГА**

Е.Д. Муханова

muhanova.el@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Освещен вопрос школьной «травли», которая с течением времени набирает всё больше оборотов и выходит за рамки школы, входя в Интернет-сети. Представлены основные результаты исследования, посвященные кибербуллингу и втягиванию детей в «группы смерти».

Ключевые слова: кибербуллинг, школа, «группы смерти», «море китов», школьная социальная работа.

Повсеместная распространенность Интернета и пристрастие подростков к социальным сетям в сочетании с дефицитом у них пользовательской компетентности и понимания необходимости поддержания определенной этики общения в сети делают кибертравлю одним из серьезнейших современных социальных рисков в подростковом возрасте.

Современное пространство повседневного общения характеризуется яркой новой особенностью, а именно его распространением в виртуальный мир. И если для нынешних взрослых навыки общения с помощью электронных писем, мгновенных сообщений, чатов являются надстройкой над уже приобретенными навыками общения вживую, то нынешние дети и подростки осваивают и те, и другие навыки практически одновременно. В отношении подростков можно говорить о том, что процесс социализации в значительной степени перемещается в Интернет – вместе со знакомствами, референтными группами, освоением различных социальных ролей и норм. Растет популярность социальных сетей, где пользователь заводит себе индивидуальный профиль и может публиковать информацию разной степени откровенности. При этом понимания рисков, связанных с отсутствием конфиденциальности, с нарушением личных границ и возможностью злоупотребления доступной информацией, у подростков, как и у взрослых неопытных пользователей, зачастую недостаточно [1]. Появление Интернета позволило состояться «виртуальному общению», которое стало для многих ресурсом и открыло дополнительные социальные возможности.

Анонимность кибербуллинга и безликая природа Интернета может вовлечь молодого человека в деятельность, о которой он не может подумать в реальность жизни, то есть стать нарушителем или наблюдателем [2].

С развитием современных информационных технологий, средств связи и с вовлечением детей и подростков в мир интернета и мобильных телефонов появился и такой вид школьного насилия, как кибербуллинг – унижение или травля с помощью мобильных телефонов, других электронных устройств. Иногда он оказывается для подростков более болезненным, чем побои после уроков. Кибербуллинг – это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, осуществляемые систематически на протяжении определенного времени группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить [1].

Кибербуллинг включает в себя использование электронной почты, мгновенных сообщений, веб-страниц, блогов, форумов и чатов, MMS- и SMS-сообщений, онлайн-игр и других информационных технологий коммуникации.

По данным, полученным в исследовании «Дети России онлайн», в среднем по РФ 23% молодежи, которые пользуются интернетом, являются жертвой буллинга онлайн или офлайн [3].

В мае 2016 г. в СМИ прошла информация о том, что в социальной сети «ВКонтакте» появились так называемые «группы смерти», которые причастны к смерти 130 подростков по всей России. Самые популярные группы: «Море китов», «Синий кит», «F57», «4:20». Доведение до самоубийства проходило в ходе «квеста», «завербованным» в который давались индивидуальные номера, 50 дней на принятие решения, по истечении которых означенные должны были совершить «самовыпиливание». В игре существовали элементы культа – изображение китов и бабочек (киты якобы выбрасываются на берег, таким образом спасаясь от неурядиц, бабочки живут всего один день), общение с администраторами чата в 4:20 ночи, ношение при себе ножей, порезы на руках, имитирование повреждения вен.

Проблему подростковой «травли» усугубляет тот факт, что юные пользователи в подобных ситуациях расстраиваются и переживают гораздо сильнее по сравнению со взрослыми. В прессе периодически появляются печальные истории подростковых самоубийств в результате длительной травли онлайн.

Школьная травля – сложный процесс, в котором есть жертвы, преследователи, взаимодействие между ними, а также позиция по отношению к

происходящему взрослых и школы. Для понимания проблемы следует учитывать множество факторов, а не ограничиваться упрощенными представлениями о жестоком преследователе и его беспомощной жертве. Любая стратегия вмешательства при школьной травле должна быть направлена на процесс в целом. С появлением современных технологий общения интернет площадка становится опасным местом для школьника. Особенно для того ребенка, который оказался по каким-то причинам изгоем в своем классе и школе, пытаюсь «спастись» от насилия со стороны одноклассников он ищет себя в различных сообществах, в компании других детей, которые могут стать жертвами нашумевших и набирающих оборот «групп смерти». Другая сторона кибербуллинга состоит в том, что насилие из класса со стороны одноклассников может перейти уже в социальные сети, где ребенок может получить еще большую травму и приумножить свои проблемы с одноклассниками.

В связи с выявленной проблемой травли в школах было проведено интернет-анкетирование 144 школьников Нижнего Новгорода в возрасте от 14 - 18 лет. Целью анкеты было выяснить, как часто ученик сталкивается с несправедливым отношением в школьной среде со стороны сверстников. Основной гипотезой для исследования состояла в том, что происходит переход травли из школьной площадки в интернет сети.

Т а б л и ц а № 1

Встречается ли в вашей школе недоброжелательное отношение учеников друг к другу?	Да – 86,7% Нет – 13,3%
Вас когда-нибудь обижали в школе?	Несколько раз – 68,2%
Какими способами вас обижали в школе?	Дразнили – 65% Игнорировали (не общались) – 36,7% Распускали неприятные слухи – 36,7% Оскорбляли, обзывали – 46,8%
Где это происходило?	В классе – 77%
Кому вы рассказали об этом?	Никому – 35,8% Другу – 12,9% Родителям – 40,3%
Если вы обращались за помощью к кому-либо, был ли вопрос решен?	Да – 45% Нет – 55%
Если вы или ваши сверстники находят поддержку в Интернете, то где именно?	Виртуальные друзья – 64,3% Социальные группы – 19,3%
Знакомы ли вам группы «Море китов», «Синий кит», »4:20»?	Да – 83,8% Нет – 16,2%
Откуда вы узнали о них?	Социальные сети – 53,5% Друзья/знакомые – 19,2%

Анкета была разделена на три части. Первая касалась в целом ситуации в школе, во второй части вопросы относительно личного самого респондента,

подвергался ли он сам в школе недоброжелательному отношению, а третья часть была непосредственно посвящена «группам смерти» (Табл. №1).

Из приведенных данных можно заключить, что большая часть опрошенных видели недоброжелательное отношение к своим сверстникам и сами подвергались недоброжелательному отношению со стороны одноклассников. Самый популярный вид недоброжелательного отношения – оскорбления, которые чаще всего проявляются все же в классе, а не в социальных сетях, однако, если мы обратимся к результатам, где же все-таки ищут помощи подростки, то увидим, что пытаются найти поддержку среди виртуальных друзей и социальных групп. Больше 80% опрошенных слышали, что существуют группы смерти и об их деятельности, что дает нам право сделать вывод – возможно, определенный процент опрошенных могут быть втянуты в эти группы и искать поддержки там. Тем более источником распространения информации о данных группах остаются социальные сети. Пострадавшие от издевательств школьники делятся своими проблемами с родителями, но все же остается весомый процент тех, кто замалчивает о проблеме издевательств в классе. Данный процент можно отнести к «группе риска», так как велика вероятность, что они могут искать поддержки и понимания в «группах смерти».

Какова же роль школы в профилактике кибербуллинга? В вопросе предотвращения кибербуллинга и особенно втягивания детей в «группы смерти» сложно найти и выстроить единую траекторию профилактики, так как это сложно сделать будет для школы. Во-первых, интернет площадка, социальные сети и личные страницы, группы, диалоги остаются закрытыми для администрации школы, поэтому что-то отслеживать и быть в курсе ситуации, происходящей в отдельном классе или параллели, будет весьма сложно. Во-вторых, не каждый из педагогов имеет свой профиль в социальных сетях, да и в обязанности педагога не входит отслеживание «личной жизни» их воспитанников. Всё, что может школа сделать в данной ситуации – это проинформировать родителей на родительском собрании и подобных группах об основных признаках в поведении, которые указывают на то, что, возможно, ребенок втянут в игры групп смерти, и предложить консультацию школьного психолога. Грамотно выстроенный досуг после школьных занятий может послужить препятствием для вступления ребенка во всевозможные опасные группы, которые могут нанести непоправимый вред жизни и здоровью ребенка.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2014. №11. С. 177-191.
2. Ефимова Е.С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред // Успех в химии и химической технологии. 2014. №7. С. 65-66.
3. Зинцова А.С. Влияние кибербуллинга на личность подростка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/konfer31/350.pdf>. (Дата обращения: 27.03.2017).

"SEA OF KITS" AS A NEW FORM OF SCHOOL CYBERBULLYING

E.D. Muhanova

This article focuses on the issue of school «baiting», which, over time, is gaining more and more speed and goes beyond the school, entering the Internet network. The article presents the main results of the research devoted to cyberbullying and the involvement of children in «death groups».

Keywords: cyberbullying, school, «death groups», «sea of whales», school social work.

**УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ
В ПРОФИЛАКТИКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Н.Б. Плешкова

ravilmusin@mail.ru

Нижегородская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Рассматривается проблема профилактики административных правонарушений несовершеннолетних, в частности, вопросы взаимодействия служб органов внутренних дел и представителей помогающих профессий (врачей, педагогов, психологов). В статье выявлены особенности феномена «зацепинга» как элемента молодежной субкультуры. Автором предложены ряд альтернатив, направленных на контроль указанного явления со стороны правоохранительных структур и помогающих профессий.

Ключевые слова: административное правонарушение, «зацепинг», взаимодействие, контроль, помогающие профессии, профилактика.

Современные тенденции развития молодежной субкультуры имеют неисчерпаемый потенциал. Социальные сети и средства массовой информации все больше пестрят заголовками о так называемом «зацепинге» – популярном развлечении среди лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Что это такое? Новомодное хобби? Дерзкие и дикие выходки молодых людей? Давайте поразмышляем вместе. Увлекающиеся молодежные субгруппы называют его «спортом для бедных». Он вполне незамысловат: проезд на подножках, крышах вагонов или других не приспособленных для проезда пассажиров местах, а равно других местах, не приспособленных для проезда пассажиров. Можно спорить: хобби или спорт, но, несомненно, «зацепинг» – это экстремальный и крайне небезопасный способ передвижения. Обращение к КоАП РФ, указывает на схожесть данного феномена с гипотезой, указанной в ст. 11.17 [1]. Так что же мотивирует юных «каскадеров» на нарушение законодательства? Опрос среди тех, кто оказался «пойман за руку» сотрудниками полиции, социальными педагогами и психологами, открывает причины и условия такого увлечения. Среди таковых зачастую отмечают: желание экстрима, комфортный способ передвижения для избежания неудобств общественного транспорта (теснота, душный тамбур, маленькие дети), возможность «доехать с ветерком». Самое удивительное, на наш взгляд, и самое рас-

пространенное объяснение этого явления – оправдание отсутствием средств у юных экстремалов для поездки внутри вагона.

Анализ статистики правонарушений несовершеннолетних говорит о том, что имеется тенденция к росту совершения правонарушений на транспорте. Особенностью данного явления, думается, является именно то, что субъектом административных правоотношений несовершеннолетнее лицо не может быть априори. К ответственности привлекаются его родители или иные законные представители, которые не только обязаны оплатить штраф в размере 100 рублей, но и повлекут ответственность по ч.1 ст.5.35 КоАП РФ [1]. На наш взгляд, необходимо ужесточить наказание за нарушение законодательства по ст.11.17 КоАП РФ, потому что теоретически это будет способствовать снижению нарушений, посягающих на данные общественные отношения между гражданами и государством. Ранее председатель городской Думы Москвы Алексей Шапошников сообщал, что в ближайшее время депутаты МГД планируют внести на рассмотрение Государственной думой РФ в порядке законодательной инициативы проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях», который предполагает ужесточение ответственности за «зацепинг». «Проектом федерального закона предлагается дифференцировать степень ответственности за зацепинг на железнодорожном транспорте: в Российской Федерации – штраф от 1 тыс. до 2,5 тыс. руб., в крупных городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге в связи со сложной транспортной системой и большой опасностью для жизни и здоровья граждан предлагается установить повышенный размер штрафа – от 3 тыс. до 4 тыс. руб. За правонарушение, совершенное повторно, предлагается ввести повышенный размер штрафа – от 4 тыс. до 5 тыс. руб. или административный арест на срок до 15 суток» [2].

Тенденция роста «зацеперов» замечена во многих субъектах Российской Федерации. В частности, по итогам 12 месяцев 2016 г. количество подростков, привлеченных к административной ответственности по линии Северного Линейного Управления МВД России составило более 200 человек, при этом по ст.11.17 КоАП РФ – 7 несовершеннолетних, а АППГ составил – 9 человек, среди которых есть случаи травматизма и летальных исходов. Изучая данную проблему, мы пришли к выводу, что занятие трейсерфингом опасно для жизни и здоровья в любом возрасте, никто не застрахован от несчастных случаев, ведь любой транспорт является зоной повышенного риска и опасности, именно поэтому устанавливаются определенные правила для эксплуатации данных объектов. Что касается опасностей в области «зацепинга» – это погодные условия, ток, который протекает по каналам электропоез-

дов, непредвиденные «пошатывания» вагона и т.д. В данном увлечении нет понятий «опыт» и «мастерство». Вслед за законом о транспортных хулиганах Госдума может принять «закон о зацеперах». По словам главы думского комитета по законодательству Павла Крашенинникова, уголовной ответственности будут подлежать и мелкие хулиганы – «зацеперы» и лица, которые кидают камни в поезда либо спят пилотов лазерными указками. Это тоже может достаточно сильно повлиять не только на движение транспорта, но и на жизнь, права и здоровье конкретных граждан [2]. Он отметил, что эти действия не учитываются законопроектом о хулиганстве на транспорте, который Госдума рассматривает в настоящее время, поэтому готовится отдельный законопроект.

В качестве альтернативы снижения уровня несчастных случаев и травматизма при нарушении правил пользования транспортом активно проводится профилактическая работа по предупреждению данных правонарушений сотрудниками полиции: участковыми уполномоченными полиции и по делам несовершеннолетних, сотрудниками ОВД на транспорте, социальными педагогами, психологами и др. Чаще всего на родителей накладывается административный штраф в соответствии с нарушением ст. 5.35 КоАП РФ, проводятся профилактические беседы с несовершеннолетними и их родителями в виде, так называемой, очной ставки. Особое внимание, на наш взгляд, отводится проведению таких оперативно-профилактических мероприятий, как «Внимание – дети!», «Дети и транспорт», «Безопасность»; акции «Студенческий десант», «Мы из Полиции», «В гостях у Транспортной Полиции», «Полиция всегда помогает». Они проходят под эгидой не только сотрудников ОВД, но и во взаимодействии с представителями помогающих профессий. Профилактика данного увлечения – это различного рода агитация правил безопасности и размещение ее в СМИ, демонстрация материалов, которые были зафиксированы с помощью фото- и видеоаппаратуры, мотивация на социально одобряемое поведение. Стоит отметить, что не только взрослые участвуют в указанных акциях, но и студенты ВУЗов, курсанты образовательных организаций МВД России. Они используют при этом неформальные формы и методы общения, так сказать, «общение на равных», поскольку сами не так давно отошли от понятия «несовершеннолетние». Например, это активно применяется в работе Педагогических отрядов в школах, где курсанты не только приводят «печальную» статистику о поведении «зацеперов», но и разрабатывают сценарии занятий по данному направлению профилактики, где особая роль уделяется мотивационной сфере подростков, переключению ее на дру-

гие виды занятий, например, спортивные мероприятия, иные способы проведения досуга.

Если перед государством будет стоять задача о сведении данного вида правонарушений к минимуму и исчерпанию его в целом, то силами только органов внутренних дел справиться не получится. Не только сотрудниками должна проводиться планомерная работа по профилактике и пресечению данных административных правонарушений. Важен вклад всех социальных институтов, врачей, психологов по взаимодействию с юными правонарушителями, поскольку они имеют возможность прямого контакта с ними, влиять посредством как вербальных, так и невербальных средств коммуникации. Эта задача должна иметь комплексный подход: необходимо воздействовать на проблему с самых ее зачатков, первичных институтов социализации человека: семья, школа и т.д. Профилактика «с нуля» позволит обеспечить не только социально одобряемое поведение, но поможет воспитать полноценного члена гражданского общества, уважающего не только свои права, но и права окружающих.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017) [с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2017]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc. (Дата обращения: 29.03.2017).

2. Госдума готовит уголовное наказание зацеперам и любителям лазерных указок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ok-inform.ru>. (Дата обращения: 29.03.2017).

THE PARTICIPATION OF SPECIALISTS OF HELPING PROFESSIONS IN THE PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF MINORS

N.B. Pleshkova

Considered the problem of prevention of administrative offences of minors, in particular, considered the issues of interaction of services of the internal Affairs bodies and representatives of helping professions (doctors, teachers, psychologists). In the article the peculiarities of the phenomenon of "shaping" element of the youth subculture. The author suggests a number of alternatives to control this phenomenon with law enforcement and the helping professions.

Keywords: administrative offence, shaping, interaction, control, profession, prevention.

**РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНОГО
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

С.В. Праводелов

sergilio-p@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

После того как человеку ставят диагноз, связанный с психическим заболеванием, он сталкивается с множеством медицинских ограничений и социальными барьерами. Стигматизация – одно из самых тягостных и распространённых последствий психического расстройства для больного и членов его семьи. Решением проблемы стигматизация может стать занятость в сети Интернет. Удалённая занятость позволяет сконцентрировать внимание работодателя не на болезни человека, а на его профессиональных навыках. Работа через Интернет может стать источником дохода больного, позволит приобрести новые знания. Специалисты по социальной работе могут снизить уровень стигматизации и содействовать социальной интеграции психического больного.

Ключевые слова: психическое заболевание, стигматизация, занятость в сети Интернет, информационные технологии, реабилитация, ремиссия.

Проникновение социальной работы в психиатрическую практику является одной из наиболее показательных тенденций наших дней. Задача повышения социальной субъектности психически больных не может быть решена усилиями лишь одной медицины, поскольку в их случае необходимо не только медикаментозное лечение, но и большой комплекс реабилитационных процедур на постстационарном этапе. Основным субъектом профессиональной помощи в этом случае становится социальный работник, в круг задач которого входит восстановление коммуникативных, бытовых и иных социальных навыков больного, работа с его семьёй и окружением, защита прав и многое другое.

Одной из наиболее сложных задач специалиста по социальной работе в комплексе постстационарных мероприятий становится социально-трудовая реабилитация и интеграция психически больных в профессиональную среду. Важно понимать, что не все психические заболевания ведут к полной утрате работоспособности. Многие психически больные, находящиеся в стадии ремиссии, могут участвовать в трудовой деятельности, которая оказывается важнейшей составляющей реабилитационного потенциала.

Занятость, таким образом, является главным элементом и наиболее желаемым результатом реабилитационного процесса. Однако здесь мы сталкиваемся с рядом сложностей, обусловленных как спецификой состояния больного, так и социально-экономическим и культурным контекстом его функционирования.

Говоря о состоянии больного как факторе, затрудняющем регулярную трудовую деятельность, отметим следующее. Одной из основных проблем психически больного является недостаток так называемых стимулирующих компонентов, которые заставляют человека действовать и ставить перед собой адекватные цели: мотивационный компонент психики таких больных часто страдает. В работе Ц.П. Короленко говорится о том, что снижение мотивационного компонента связано с ослаблением детерминирующей роли социального фактора в регуляции сложных форм психической деятельности... Уменьшение влияния данного фактора определяется снижением у психически больных социальной направленности, обусловленной недостаточной потребностью в общении [2].

Снижение социального взаимодействия и регуляция поведения психически больного человека в основном проявляется в нарушениях коммуникативных навыков. Недостаток общения, в первую очередь, обусловлен нехваткой активности в установлении эмоциональных контактов с людьми. Это может быть связано со снижением уверенности в себе при общении со здоровыми людьми, столь необходимой для установления межличностных контактов, в том числе с родственниками и ближайшим окружением.

Другой проблемой, обуславливающей трудности при потенциальном трудоустройстве, является стигматизация. Она становится трудно преодолимой преградой уже для тех больных, чье состояние и характер заболевания не является препятствием для трудовой деятельности. Данные авторского исследования «Мнение о занятости психически больных», проведенного в 2016 г. (n=200), показали, что потенциальный работодатель чаще всего не готов трудоустроить человека с психическим заболеванием, если это окажется достоянием общественности, а перспективы нормальной коммуникации с коллегами в этом случае представляются весьма туманными. Если трудоустройство и будет иметь место, то в такой ситуации человек останется без поддержки, что может затруднить его адаптацию на рабочем месте, заметно снизить работоспособность и, в конечном итоге, будет снижать реабилитационный потенциал больного.

Решением проблемы стигматизации может стать занятость в сети Интернет. Данная форма профессиональной деятельности имеет целый ряд пре-

имущества для работника, имеющего психическое заболевание. Удаленная работа позволяет сконцентрировать внимание работодателя не на болезни человека, а на его профессиональных навыках. Работа через Интернет может стать источником дохода больного, позволит приобрести новые знания. Посредством социальных сетей и чатов между сотрудниками психически больной сохранит навыки общения и расширит свою сеть социальных контактов. Таким образом специалисты по социальной работе могут несколько снизить уровень стигматизации и способствовать интеграции психически больного в общество.

Перспективность занятости в сети Интернет для психически больных обусловлена возможностью интегрировать их в трудовую деятельность, улучшить материальное положение, повысить шансы на самореализацию и сохранение профессиональных навыков.

Специалист по социальной работе может содействовать занятости и трудоустройству психически больных. Его роль состоит не только в моральной поддержке, содействии социально-психологической адаптации инвалидов с учетом возрастных интересов и личностных особенностей каждого [3]. Содействие трудоустройству или переквалификации является одной из главных его функций. Кроме того, он также может помогать семье и психически больному организовывать их совместную деятельность и таким образом снижать эмоциональное напряжение.

Специалист по социальной работе во взаимодействии с психически больным, ищущим или уже работающим в сети Интернет, может:

1. Предоставлять информацию о занятости в сети Интернет (какие есть виды деятельности в сети Интернет), а также помогать проверять информацию о работодателе (порядочность, готовность сотрудничать);
2. Создавать и администрировать базу данных работодателей, предоставляющих возможность удаленной занятости для инвалидов, в том числе, по психическим заболеваниям;
3. Получать сведения об умениях и предпочтениях психически больного для оценки его трудового потенциала;
4. Содействовать в образовательном процессе в сфере информационных технологий;
5. Помогать организовывать досуговую деятельность самого психически больного и его семьи для снижения конфликтности и эмоциональной напряженности;

6. Обучать элементарным профилактическим действиям при работе за компьютером, что поможет снизить вероятность возникновения социально-медицинских проблем.

Специалист по социальной работе может мотивировать и помогать с поиском специальных учреждений, осуществляющих обучение информационным технологиям.

Однако на этом пути есть свои трудности. Многие психические больные (как, впрочем, и здоровые) не владеют в необходимой мере информационными технологиями. Для решения проблемы можно предложить создание специальных образовательных проектов, возможно, при дневных стационарах в психиатрических больницах, где будут обучать пользованию компьютером, Интернетом и различным программным обеспечением. Кроме того, говоря об удаленной занятости, мы не обязательно ведем речь о какой-то технически сложной работе, например, о веб-дизайне или создании сайтов. Иногда достаточным может оказаться обучение больного пользованию электронной почтой, на которую ему будут приходиться какие-то заказы, выполнение которых не потребует личного присутствия на рабочем месте.

Информационные технологии и занятость в Интернете не являются панацеей, поскольку конечным пунктом социальной реабилитации больного будет его возвращение в общество с развитыми навыками межличностной коммуникации, а полное погружение в виртуальную среду следовало бы рассматривать, скорее, как неудачу. Интернет-занятость рассматривается нами или как терапевтическое средство усиления мотивационного компонента личности, пострадавшего в результате болезни, или осознанный выбор больного после решения проблем социально-коммуникативной реабилитации.

Литература

1. Максимова Н.Е. Трудоустройство лиц с психическими расстройствами на примере тверской области / Н.Е. Максимова, Н.В. Климок // Социальная и клиническая психиатрия. – М.: изд-во Издательский дом "Медпрактика-М". 2016. С. 67-71.

2. Короленко Ц.П. Социодинамическая психиатрия / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – М.: «Академический Проект», Екатеринбург: «Деловая книга», 2000. 460 с.

3. Зайнуллина Г.Ш. Технологии социальной работы с инвалидами в сфере трудоустройства / Г.Ш. Зайнуллина, К.В. Полежаева // Материалы Международной научно-практической конференции. Искужин Т.С., канд. юрид. наук, доцент (отв. редактор). – Уфа: изд-во Автономная некоммерче-

ская организация "Исследовательский центр информационно-правовых технологий". 2014. С. 46-49.

THE ROLE OF THE SOCIAL WORKER IN THE EMPLOYMENT OF A MENTALLY PATIENT IN THE INTERNET

S.V. Pravodelov

After a person is diagnosed with a mental illness, he faces many medical limitations and social barriers. Stigma is one of the most painful and common consequences of a mental disorder for a patient and his family members. The solution to the problem of stigmatization can be employment on the Internet. Remote employment makes it possible to focus the employer's attention not on a person's illness, but on his professional skills. Work through the Internet can become a source of income for the patient, will allow you to acquire new knowledge. Thus, specialists in social work can somewhat reduce the level of stigmatization and promote the integration of a mental patient into society.

Keywords: mental illness, stigmatization, employment in the Internet, information technology, rehabilitation, remission.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Ю.А. Пузарова

puzarova95@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Представлен отечественный опыт внедрения и реализации технологии летнего интегративного лагеря для детей и молодых людей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Описаны особенности устройства интегративного лагеря, методики построения работы с детьми с РАС в данном лагере. Обосновываются возможности лагерных смен в коррекции нарушений развития детей и молодежи с РАС, в формировании недостающих навыков у аутиста.

Ключевые слова: аутизм, интегративный лагерь, технологии социальной работы.

На протяжении многих десятилетий специалисты различных областей исследуют проблему детского аутизма. Согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра, кардинальными признаками детского аутизма считаются нарушения социального взаимодействия и качественные нарушения общения [1]. Существуют большие понятийные и диагностические проблемы в вопросе об аутизме детей. Однако в широком смысле детский аутизм рассматривается как особый тип нарушения психического развития, специфика которого обусловлена особенностями дефицитарности ребенка [2]. Количество детей с аутизмом растет стремительными темпами во всем мире. В России на 2016 г. было зафиксировано 613 000 лиц, не достигших 18 лет, с ограниченными возможностями, в 2015 г. – 590 тыс., на начало 2014 г. – 582 тыс, в 2013 г. – 567000 [3]. Причем в структуре болезней детей в возрасте до 18 лет существенную часть составляют психические расстройства и расстройства поведения. Так, в 2014 г. численность детей с психическими расстройствами составляла 16575 человек, с врожденными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями – 14969 [4]. Аутические расстройства проявляются не только в нарушении развития высшей нервной деятельности, но и во многих соматических проблемах. В настоящее время только медикаментозное лечение не может решить все проблемы ребенка и его семьи, в связи с чем повышается значение психологической и социальной помощи. Появляется необходимость применения специальных технологий для

коррекционной работы с данной категорией клиентов. С помощью технологий социальной работы удается осуществить широкий спектр медико-социальных, социально-экономических, социально-психологических, социально-педагогических и других мероприятий.

Одной из передовых технологий социальной работы является интегративный лагерь для детей и молодых людей с расстройствами аутистического спектра «Лето со смыслом». Данный проект реализовывался на базе активного отдыха «Экстримленд» в Кстовском районе Нижегородской области. В интегративной оздоровительной смене приняли участие подростки и молодые люди (10-20 лет) с РАС в сопровождении педагогов, волонтеров и ровесников без нарушений развития. Продолжительность смены составила 5 дней. Уникальность данного проекта заключается в том, что все ребята, имеющие сложные нарушения развития, оставались впервые надолго без сопровождения родителей. Программа смены была разработана в соответствии с полученным опытом работы лагеря Rising Sun для детей и молодых людей с аутизмом (штат Нью-Мексико, США), где прошли стажировку педагоги Центра поддержки семьи «Обнаженные сердца», действующего на базе Нижегородской региональной общественной организации поддержки детей и молодежи «Верас». Смену посетила ментор из лагеря Rising Sun (Нью-Мексико) – Кейтлин Тэйлор (эрготерапевт, Центр помощи людям с нарушениями развития, Университет Нью-Мексико). Специалисты лагеря старались строить индивидуальные программы сопровождения для детей и молодых людей, у которых были трудности в адаптации, поведении, участии или самообслуживании. Помимо специалистов, экспертов фонда «Обнаженные сердца» в лагере помогали волонтеры, которые предварительно проходили обучение. К каждому ребенку был прикреплен волонтер, который сопровождал своего подопечного на всех занятиях, знал его индивидуальные особенности, помогал ему в самообслуживании. В ходе обучения волонтеры прорабатывали стратегии взаимодействия с подопечным, изучали технологии работы с детьми и молодыми людьми с умственными нарушениями, изучали лагерьный режим.

Мультидисциплинарная команда, осуществляющая сопровождение детей, работала очень грамотно, так как работа построена на взаимопомощи. Специалисты, волонтеры, ровесники без нарушений развития активно взаимодействовали друг с другом, решали сложные ситуации вместе. Задачей каждого участника, осуществляющего сопровождение, являлось не только понять возникающие поведенческие или эмоциональные трудности, но и выстроить план, как с ними справиться. Специалисты центра и эксперты помогали начинающим специалистам справляться с подобными трудностями.

Пространство лагеря имело много разнообразных зон: жилая зона (4 шале, в которых проживали ребята с наставниками), спортивные зоны для разнообразных занятий, просторная столовая, костровая зона, открытый бассейн. База отдыха расположена в живописном и экологически чистом месте, что способствовало укреплению здоровья и отдыху детей с расстройствами аутистического спектра.

Задачами данного лагеря выступали не только развитие навыков по социально-бытовой ориентировке и формирование коммуникативной активности у детей с РАС, но и организация полноценного оздоровительного отдыха. Для подростков и молодых людей с нарушениями развития важны не только обучающие мероприятия, но и получение положительных эмоций. Так, ребята получили возможность купаться в бассейне, проводить вечера у костра, ходить в походы по лесу, танцевать на дискотеке. Данные виды деятельности помогают снизить нежелательное агрессивное поведение, снять эмоциональное напряжение и развить социальные навыки детей и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья.

Подростки и молодые люди в сопровождении педагогов освоили такие формы, как поход в лес с предварительной подготовкой снаряжения, «поиск сокровищ» по карте, покорение высоты на скалодроме и аттракционах высотного города, полет на «белке», поездка на баггах, квадроциклах, преодоление надувной полосы препятствий, стрельба из пневматического ружья, прогулка с собаками и многое другое.

За время пребывания в летнем лагере детьми и молодыми людьми с РАС было достигнуто следующее: они провели 5 дней и 5 ночей без родителей вдали от дома на незнакомой местности; процесс питания был организован в обычной столовой со всеми другими посетителями, во время приема пищи участники лагеря учились просить помощи социально приемлемым способом у рядом сидящих с ними людей, ели незнакомую еду и ту, от которой отказывались дома. Ребята научились пользоваться расписанием распорядка дня, ждать очереди, выполнять самостоятельно поручения. Они участвовали в командных играх с соблюдением правил и очередности; научились выполнять задания с использованием визуальной поддержки; научились находиться в группе.

С детьми и молодыми людьми проводились и развивающие занятия. Использовались различные коррекционные технологии работы с детьми, страдающими аутизмом. Активно проводились занятия по арт-терапии, музыкальной терапии, игротерапии, сенсорной интеграции, а также тренинги социальных навыков.

Большое значение в работе с детьми-аутистами уделялось использованию помогающих стратегий. К таким стратегиям можно отнести альтернативную коммуникацию, визуальные расписания, визуальные указания, подкрепление, рутины, структурирование окружающей среды, частичное участие, время на обработку информации. Подкрепление помогает детям закрепить определенный вид деятельности. Для того, чтобы увеличить вероятность повторного действия, необходимо определить, что мотивирует ребенка (похвала, жетон, наклейка, съедобное). Большую роль играет поддержание знакомых и создание новых значимых рутин для участников в лагере. Визуальные расписания помогают сказать человеку, куда пойти и в какой последовательности идти и что делать дальше. Визуальные подсказки дают человеку указания по тому, что он будет делать в рамках определенного занятия. Специалисты программы подготавливают их для каждой зоны. Например, в лагере активно использовались таймеры, фотопланы активности, визуальные модели (ярлычок на кровати) и т.д.

Следующей стратегией являются успокаивающие сенсорные ощущения: ритмичные движения, прикосновения с глубоким давлением, сниженный уровень звуковой информации.

Стратегия частичного участия подразумевает творческий и индивидуальный подход к каждому ребенку и молодому человеку. Необходимо стараться, чтобы все смогли в той или иной степени принять участие в занятиях. В процессе работы с ребенком необходимо давать ему время на обработку информации, так как его мышление является достаточно длительным. Данные стратегии действительно поддерживают детей с РАС на протяжении всего периода пребывания в лагере.

Проект позволил сменить обстановку детям и молодым людям. Для многих из ребят это первый в жизни опыт пребывания в лагере без родителей. Вот что рассказывает Роза, мама Полины: *«Полина вернулась из лагеря совсем другая. Первые 2-3 дня у нас был шок – приятный! Она стала намного взрослее, самостоятельнее, серьезнее и увереннее в себе! Полина отвечала на все наши вопросы, рассказывая о лагере и ребятах, которые были с ней в смене. Она запомнила всех по именам, хотя многих видела впервые»* [5]. Родители за время нахождения детей в лагере смогли отдохнуть, сделать свои дела, на которые не хватало времени.

Все участники лагеря приобрели бесценный опыт. Специалисты, работающие в интегративном лагере, получили новые знания для дальнейшей психолого-педагогической реабилитации детей с нарушениями развития. Волонтеры лагеря выработали или улучшили такие качества, как ответствен-

ность, общительность, творческий подход к работе, оперативность, эмоциональная устойчивость. Многим волонтерам данный опыт дал возможность профессионального роста. Здоровые сверстники получили опыт взаимодействия с «особыми» ребятами, осознали потребности и проблемы людей с инвалидностью, стали более толерантными, дисциплинированными и отзывчивыми.

Многие предубеждения и страхи родителей, специалистов и волонтеров являются неоправданными. Вопреки сложившемуся в нашем обществе отношению к людям с ограниченными возможностями открываются новые возможности и методики работы с детьми с РАС.

Литература

1. Психические расстройства и расстройства поведения // Международная классификация болезней 10-ого пересмотра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkb-10.com/index.php?pid=4001>. (Дата обращения: 22.09.2016).

2. Никольская О.С., Баенская Е.Р. Коррекция детского аутизма как нарушения аффективной среды: содержание подхода // Дефектология. 2014. № 4. С. 23-33.

3. Распределение инвалидов по полу и возрасту // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#. (Дата обращения: 02.08.2016).

4. Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по причинам, обусловившим возникновение инвалидности // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#. (Дата обращения: 02.08.2016).

5. В Нижнем Новгороде прошел второй этап проекта «Лето со смыслом»... // Фонд «Обнаженные сердца» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nakedheart.org/ru/news/>. (Дата обращения: 16.08.2016).

**THE INTEGRATIVE SUMMER CAMP FOR CHILDREN
AND YOUNG PEOPLE WITH AUTISM**

U.A. Puzarova

In this article the author presents the Russian experience of introduction and implementation of the integrative summer camp for children and young people with autism spectrum disorders. The researcher describes the features of the integrative camp, methods of social work with children with ASD in this camp. Substantiates the possibility of the camp in the correction of developmental disorders of children and youth with ASD, skills shortages have autistic.

Keywords: autism, integrative camp, technologies of social work.

УДОБНЫЙ ГОРОД КАК БРЕНД

А.М. Семенова

semyonovaaa@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Потребность в осознанном управлении городами обусловила возникновение нового урбанизма и маркетингового подхода к развитию городов. Автор анализирует взаимосвязь этих процессов. Удобный город рассматривается не только как концепция социально ориентированного городского планирования, но и как городской бренд.

Ключевые слова: город, брендинг, новый урбанизм, доступность.

Актуальность этой темы обусловили два процесса. Во-первых, развитие маркетинга и брендинга городов в связи с возросшей конкуренцией между ними. Во-вторых, становление дискурса нового социально ориентированного урбанизма. Оба процесса связаны с потребностью управления ростом и развитием городов в контексте их бессистемного разрастания и усиления социальных проблем. Целью работы является описание брендинга города, основанного на идеях нового урбанизма.

Для развития города в условиях глобальности мира необходимо сделать этот процесс осознанным. Городским сообществам надо уметь продвигать и отстаивать свои интересы. Столкновение интересов городов рождает конкуренцию между ними за инвестиции, туристов и новых жителей. Перед каждым городом ставится задача стать уникальным [1, с. 13-15]. В обществе тотальной сигнификации люди потребляют не столько предметы, сколько знаки. Бренд является таким знаком. Следствием новых потребностей городов является развитие брендинга городов.

Бренд города не является искусственно созданной конструкцией, он основан на городской идентичности. Городское пространство является набором определённых смыслов и культурных кодов. При взаимодействии с пространством города жители воспринимают и понимают эти знаки, и в соответствии с этим они строят своё поведение. В основе городской идентичности лежит понимание людьми своего города. Это понимание выражается через систему общих для горожан смыслов и ценностей города.

Для конструирования бренда города необходимо городское пространство, которое транслирует ценности этого бренда. В условиях эпохи универ-

сальных сравнений люди ищут, где им будет более комфортно и выгодно находиться. Они выбирают местом жительства город, как референтную группу горожан, разделяющую определённые ценности. Жизнь в современных городах повышает значимость ценностей безопасности, комфорта, экологичности, доступности, удобства. Именно эти ценности поддерживает и транслирует новый урбанизм.

С начала XX в. развиваются урбанистические теории, сосредоточившие своё внимание на проблемах городской инфраструктуры, вопросах управления развитием города и социальной жизни в нём. Основой для нового урбанизма стали идеи социальной философии, акцентирующие внимание на качестве жизни человека в городской среде (Р. Оуэн, Ш. Фурье, Г. Спенсер, Ч. Бут). Теоретическая разработка нового урбанизма связана с работой социально ориентированных социологов и антропологов. Эта концепция практически не представлена в отечественной социологии [2].

Новый урбанизм определяет главную проблему города в его организации. Город разделён на функциональные районы, что не естественно для человека. Возникает идея города, удобного для жизни человека, не зависимо от социально-экономических или физических особенностей. Люди должны жить, работать и отдыхать в одном месте. Вся инфраструктура должна быть в шаговой доступности [3].

Основным понятием концепции города для жизни является «качество жизни». Во-первых, это полная доступность инфраструктуры, во-вторых, возможность жителей участвовать в принятии планировочных решений, в-третьих, экономическая и физическая доступность жилья, и наконец, безбарьерная мобильность [4, с. 163].

Удобный город – это и образ жизни, и бренд, востребованные в современном обществе. Это система городского планирования, которая обеспечивает и социальное, и экономическое продвижение территории. После конструирования бренда города ценности удобства и доступности объединяются в идею и транслируются. Жители начинают потреблять эти смыслы и создавать новые. Этим они усиливают городскую идентичность и поддерживают бренд.

Идеи нового социально ориентированного урбанизма могут быть использованы не только для обеспечения комфортности жизни горожан, но и для эффективного продвижения города на межтерриториальном рынке.

Литература

1. Визгалов Д.В. Брендинг города / Д.В. Визгалов. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с. ISBN 978-5-8130-0157-4.
2. Наберушкина Э.К. Город – проект для жизни [online] / Э.К. Наберушкина // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. Режим доступа: <<https://www.science-education.ru/pdf/2012/2/294.pdf>>. (Дата обращения: 26.03.2017).
3. Аммосов Ю. Возвращение дружелюбного города [online] / Юрий Аммосов // Эксперт. 2005. № 17 (464). Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2005/17/17ex-nauka2_5595/>. (Дата обращения: 26.03.2017).
4. Глазычев В.Л. Урбанистика / В.Л. Глазычев. М.: Европа, 2008. 218 с. ISBN 978-5-9739-0148-6.

CONVENIENT CITY AS A BRAND

A.M. Semenova

The need for conscious city management has led to the occurrence of new urbanism and marketing approach to city development. The author analyzes connection between these processes. "Convenient city" is examined not only as a concept of social-oriented planning, but as a city brand too.

Keywords: city, branding, new urbanism, accessibility.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОТРЯДОВ
НИЖЕГОРОДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ
КАК ЭЛЕМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ**

В.О. Сидельников

ravilmusin@mail.ru

Нижегородская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Рассматриваются особенности работы педагогических отрядов Нижегородской академии МВД России, в частности, их роль в пропаганде правового поведения, здорового образа жизни, профилактики административных правонарушений несовершеннолетних, вопросу взаимодействия образовательных организаций среднего образования и представителей педагогических отрядов Нижегородской академии МВД России. На основе изучения практического опыта проводится анализ совместной деятельности. Автором предложен ряд тем, которые наиболее полно раскрывают структуру указанного взаимодействия.

Ключевые слова: педагогический отряд, профилактика противоправных деяний, взаимодействие, помогающие профессии, совместная деятельность.

Современное состояние общества и государства все чаще заявляет о том, что без эффективного взаимодействия служб, организаций, помогающих профессий органам внутренних дел не обойтись. Важен вклад всех социальных институтов, врачей, психологов и педагогов по взаимодействию с юными правонарушителями, поскольку они имеют возможность прямого контакта с ними, возможность влиять посредством как вербальных, так и невербальных средств коммуникации. Данная задача должна иметь комплексный подход: необходимо воздействовать на проблему с самых ее зачатков, первичных институтов социализации человека: семья, школа и т.д. Профилактика «с нуля» позволит обеспечить не только социально одобряемое поведение, но и поможет воспитать полноценного члена гражданского общества, уважающего не только свои права, но и окружающих.

Несомненно, служба в полиции содержит колоссальное количество направлений деятельности. Но воспитательная работа с подрастающим поколением является актуальной и важной, особенно когда данный участок работы возложен на представителей, в частности, на курсантов образовательной организации МВД России. С точки зрения правоохранительного мышления,

нам необходимо воспитать просоциальных граждан, достойных представителей страны. В общем понимании поведение человека, направленное на какую-либо помощь другим, относится к категории просоциальной активности. Исходя из изложенного, напрашивается вывод, что взаимодействие ОВД и представителей помогающих профессий – это элементы одной сферы деятельности – профилактической. Как в реальности можно описать данное взаимодействие?

Педагогическая работа в ОВД с несовершеннолетними – неотъемлемая часть процесса социализации. Здесь на помощь курсантам приходят педагоги, психологи, социальные работники. Непосредственно для формирования просоциального мышления подрастающего поколения в Нижегородской академии МВД России были созданы педагогические отряды. Цели работы педагогического отряда НА МВД РФ направлены на интеграцию социально-педагогической деятельности курсантов, профессорско-преподавательского состава вуза, а также педагогических коллективов подшефных школ. Нельзя не отметить, что работа педагогических отрядов направлена на повышение престижа и популяризацию профессии полицейского, формирование психолого-педагогических знаний, умений и навыков курсантов, а также на профориентационную работу с учащимися. Задачи педагогического отряда заключены в проведении воспитательной работы с учащимися подшефных общеобразовательных школ, которые направлены на профилактику противоправных деяний несовершеннолетних по месту учебы, жительства или отдыха. Большое внимание уделяется организации индивидуального шефства над «трудными» подростками и несовершеннолетними, состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних [1]. Темы, которые поднимаются в процессе взаимодействия и обсуждаются вместе со школьниками, планируются исходя из актуальных потребностей, которые сложились как у администрации школы, так и у них самих. В настоящее время в работу отрядов вовлечены порядка 80 курсантов.

Курсанты, которые посещают школы с познавательной и развивающей целью, как правило, поднимают темы, касающиеся противоправного поведения несовершеннолетних, девиаций различного рода, они проводят беседы и читают лекции на правовые темы в общеобразовательных школах, а также оказывают помощь педагогическим коллективам школ в подготовке и проведении спортивных и культурно-массовых мероприятий. Вместе с ними принимают участие и школьные социальные педагоги, психологи.

На наш взгляд, важна форма преподнесения материала школьникам, психотехника представления материала детям и умение взаимодействия с ни-

ми. Например, все и так знают, что делает полиция и какова её деятельность, но именно в диалоговом общении раскрывается сущность проблемы. Практика показывает, что несовершеннолетним интересно общаться с представителями правоохранительных органов, но детям приятно видеть именно курсантов (почти сверстников), а не только сотрудников-практиков. Курсанты педагогических отрядов доступным языком стремятся донести информацию с обращением к нормативно-правовым актам. Думаем, что пропагандистская работа во многом помогает предупреждению возникновения проблемы. Как проводятся занятия в практических условиях? Например, берётся тема, актуальная для обсуждения, выборка совершённых противоправных деяний, анализируется и подготавливается план занятия с учениками. Основной задачей является донесение до аудитории полезности мероприятий, проводимых курсантами, а это означает, что нельзя быть равнодушными. Соответствие формы и содержания должно ставиться во главу угла. Мы показываем фильмы, ролики, презентации, но лучший отклик – это дискуссия и споры. Важно помнить об инновационных подходах и интерактивном взаимодействии. Ещё хотелось бы добавить, что в отличие от сотрудников-практиков, которые чаще при встречах применяют наставительный тон, курсанты стараются «сгладить углы», не пугать информацией, а преподнести ее в игровой форме. Например, проведение различных акций, флешмобов. «За 2.5 месяца реализации проекта “Засветись!” на территории региона госавтоинспекторами было проведено более 450 мероприятий, направленных на популяризацию светоотражателей, роздано около 17 тысячи фликеров. Подведение итогов проекта состоялось на базе школы №59 Нижнего Новгорода и стало настоящим праздником для первоклассников учебного заведения!».

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что деятельность педагогических отрядов становится все более актуальной, поскольку дает возможность проводить процесс обучения и социализации не только в рамках школы и школьной программы, но и вне ее, охватывать большое количество задач, интересов. Пропаганда важных для общества целей необходима всем представителям помогающих профессий.

Литература

1. Вызулин Е.А. Опыт работы педагогических отрядов Нижегородской академии МВД России как инновационный ресурс образовательной технологии школы будущего / Е.А. Вызулин, Н.И. Мусина // Педагог 3.0: подготовка

учителя для школы будущего сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 238-242.

**THE ACTIVITIES OF THE PEDAGOGICAL TEAMS OF THE NIZHNY
NOVGOROD ACADEMY OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA
AS AN ELEMENT OF INTERACTION WITH THE REPRESENTATIVES
OF THE HELPING PROFESSIONS**

V.O. Sidelnikov

The peculiarities of the work of the pedagogical detachments of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in particular, their role in propaganda of legal behavior, healthy lifestyle, prevention of juvenile administrative offenses, the interaction of educational organizations of secondary education and representatives of the pedagogical detachments of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Based on the study of practical experience, an analysis of joint activities is conducted. The author offers a number of topics that most fully reveal the structure of this interaction.

Keywords: pedagogical detachment, prevention of unlawful acts, interaction, helping professions, joint activities.

ГОТОВНОСТЬ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РИСКУ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

М.Д. Созинова, В.В. Катунцова

marina96-sozinova@mail.ru; katunova@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматриваются различия степени готовности к риску в зависимости от выбранной специальности по направлению психология. Результаты проведенного исследования различий показателей степени готовности к риску по группам студентов направления «психология» и специальности «психология служебной деятельности» с помощью методики диагностики А.М. Шуберта показали, что на уровне 3-го курса обучения степень готовности к риску у студентов этих двух групп существенно не отличаются.

Ключевые слова: риск, рискованное поведение, готовность к риску, профессиональный риск, студенты, психолог, психолог служебной деятельности.

Ежедневно специалист в области психологии сталкивается с риском в профессиональной деятельности: к каким последствиям приводит представленная им клиенту информация, предпринятые действия, сообщенные результаты диагностического обследования. Ему ежедневно приходится принимать решения в острой для клиента ситуации, какие методики или техники работы выбрать, и во множестве других ситуаций и вопросах, которые он решает каждый день. Часто это происходит в ситуации высокой степени неопределенности в отношении полноты и объективности данных, связанных с клиентом, группой, организацией. В этих условиях от психолога требуется высокая степень прогностичности предоставляемых рекомендаций и оценок, вследствие этого проблемы психологии риска как профессионального явления являются остро актуальными. В данной области профессиональной деятельности специалистов-психологов остаются вопросы, требующие общепсихологического, теоретического и эмпирического исследования.

Определяя риск в общем понимании этого термина, С.И. Ожегов выделил две трактовки риска: как «возможную опасность» и как «действие наудачу в надежде на счастливый исход ... (принимая на себя могущие произойти неприятности)» [1]. В данном понятии заложены все основные черты, которые входят в современные научные трактовки риска как компонента активной деятельности субъекта – опасность, неопределенность, случайность. Если нет опасности или, по крайней мере, нежелательности возможного результата, то

нет и риска. Но в последней трактовке заложена и неопределенность, связанная с недостатком нашего знания, имеющейся информации или предполагающая другие, в том числе благоприятные исходы.

Можно выделить определение риска, данное в монографии В.Т. Ковелло и М.В. Меркфаофера: «Риск – характеристика ситуации или действия, когда возможны многие исходы, существует неопределенность в отношении конкретного исхода и, по крайней мере, одна из возможностей нежелательна» [См.: 2]. В этом определении выделены все главные элементы, присущие риску: опасность или нежелательность, неопределенность, случайность, с одной стороны, состояние или действие – с другой.

Эти понятия во многом применимы и к профессиональной деятельности психолога. Компетентный специалист, принимая решение о вхождении в профессиональную деятельность, всегда несет ответственность за возможные риски в ней. Это, например, могут быть риски, связанные с развитием профессионального выгорания или профессиональной деформации личности. Риски могут быть связаны с тем, что психолог по ошибке (некомпетентность, невнимательность и другие причины) работает с клиентом, у которого имеется психическое расстройство, что может привести к ухудшению состояния подопечного и собственной небезопасности в работе. Психолог ответственен также за прекращение профессиональной деятельности из-за профессиональных заболеваний или потери работоспособности.

К сожалению, для специалистов этой сферы возможны также случаи формирования и развития психических заболеваний, причиной чего служит обычно нервное истощение из-за чрезмерного усердия и самоотдачи «ради интересов и блага клиентов», но в ущерб интересам своим собственным и своих близких. Иногда причиной психических заболеваний психологов может быть слишком сильный шок от ошибок в работе, отсутствие психогигиены и другие профессиональные и личные факторы.

В связи с тем, что многие авторы рассматривали понятие «готовность к профессиональному риску» с разных научных позиций, нет целостного представления о данном феномене. В связи с разобщенностью и многочисленностью этих мнений, необходимо привести разные точки зрения исследователей на это понятие.

Таковыми отечественными авторами, как Ю. Козелецкий, Т.В. Корнилова, В.А. Петровский, готовность к риску трактуется как свойство надситуативной активности субъекта и как предпосылка принятия интеллектуальных решений [5;5;6].

Г. Айзенк (1993) в своих трудах определяет данный феномен как склонность к поиску сильных ощущений, то есть как личностное свойство [См.: 3].

По мнению Т.В. Корниловой (1994, 1997), готовность к риску – это свойство личностной саморегуляции, проявляемое человеком при принятии решений и выборе стратегий действия в условиях неопределенности. В то же время она пишет: «В представлениях о психологической регуляции принятия решений присутствуют понятия *готовности к риску* и склонности к риску, взаимоотношения которых не точно очерчены и включают также отнесенность к концептам *рискового поведения (risikoverhalten)* и *поведенческого принятия риска (risk-takingbehavior)*. Понятие «склонность к риску» более характерно для переводов англоязычных работ, оно включило представление о диспозициональном *личностном риске как индивидуальном свойстве, различающем поведение людей в однотипных задачах*. Понятие *готовности к риску* более адекватно фиксирует прямой перевод с немецкого термина *risikobereitschaft*. Существенно, что в большей степени оно связано с оценкой иных индивидуальных различий, чем называемые в связи со склонностью к риску» [5]. В данной работе рассматривается феномен «готовность к риску» применительно к профессиональной деятельности как личностное свойство, которое отнесено к умению субъекта *принимать решения в условиях профессиональной неопределенности как недостаточности ориентиров*.

У психологов служебной деятельности риски существенно выше, так как их профессиональная деятельность связана с психологическим обеспечением боевых действий, что предполагает работу в напряженной, неопределенной и специфичной обстановке. Также присутствует риск, если психолог в служебных структурах обязан определять степень безопасности поведения солдата с оружием, пользования боевой техникой и овладением современными приемами ведения боя. На психологическую деятельность в силовых структурах накладывает отпечаток то, что в такой деятельности решаются сложные задачи, связанные с опасностью для жизни и здоровья, уничтожением ценностей, деформацией личности, огромными разрушениями, потерями в людях и технике, различного рода лишениями и неудобствами. Психолог связан с обеспечением безопасности ведомственных организаций, т.е. психологическим обеспечением адекватности работы силовых служб в целом, а, значит, и безопасностью государства. Психологическая работа психолога служебной деятельности сопряжена с повышенной моральной и юридической ответственностью за исполнение своих обязанностей, требует особого психического и физического напряжения.

Можем предположить, что степень готовности к профессиональному риску студентов психологов служебной деятельности выше, чем у студентов, обучающихся на специальности психология.

Все вышесказанное побудило определить цель исследования как выявление различий показателей степени готовности к риску по группам студентов направления «психология» и специальности «психология служебной деятельности». Объектом в данном исследовании является готовность к риску будущих специалистов в области психологии, а предметом – различия степеней готовности к риску студентов направления «психология» и специальности «психология служебной деятельности».

Нами были выдвинуто предположение, что могут быть выявлены значимые различия показателей степени готовности к риску по группам студентов направления «психология» и специальности «психология служебной деятельности».

В эмпирическом исследовании использовалась анкета, направленная на выявление социально-демографических признаков, методика диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта. Выборка испытуемых была составлена из 2 групп студентов – направления «психология» (условно группа 1, 20 человек) и специальности «психология служебной деятельности» (условно группа 2, 18 человек) в возрасте от 19 до 24 лет, обучающиеся на очной форме обучения в ННГУ им. Н.И. Лобачевского на Факультете социальных наук. Всего 37 девушек и 1 юноша, все не состоящие в браке и не имеющие детей.

Результаты и обсуждения. По методике диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта у студентов 1-ой группы полученный средний балл равен 0; этот показатель входит в интервал средних значений. Что предположительно означает, что студенты на этой специальности имеют ситуативное поведение, не склонны к риску, но и не слишком осторожны. Они не готовы пренебрегать ответственностью в отношении себя и в отношении окружающих за последствия рискованных поступков.

У студентов 2-ой группы полученный средний балл равен 0,389. Этот показатель также входит в интервал средних значений. Это предположительно означает, что студенты этой группы также имеют ситуативное поведение, не склонны к риску, но и не слишком осторожны и не готовы нарушать социальные нормы, пренебрегать общественной моралью за счет рискованного поведения.

Стоит отметить, что средний уровень готовности к риску, который показали почти все обследованные студенты, является оптимальным, что предпо-

ложительно связано с высоким уровнем рефлексивности студентов, обучающихся на специальностях психологической направленности, так как способность анализировать является одним из профессионально важных качеств компетентного психолога.

Заслуживают внимания показатели двух студентов, получивших оценку в 22 и 38 баллов по методике А.М. Шуберта, попадающие в интервал максимальных значений. По ключу теста, эти испытуемые имеют склонность к безудержному риску. Предположительно можно сказать, что данные студенты имеют склонность к риску, находятся в поиске сильных и новых ощущений. Они оба учатся по специальности «психология служебной деятельности». Взаимосвязь высокой склонности к риску и выбранной специальностью психологии служебной деятельности может быть связана с тем, что будущая профессиональная деятельность предполагает работу с экстремальными ситуациями и деятельность в такой сфере тесно связана с рискованным поведением.

Студентов, показатели которых попадают в интервал минимальных значений, не выявлено. Отсутствие низких показателей предположительно свидетельствует в пользу выдвинутых нами выше утверждений, что в профессиональной деятельности психолога большое значение имеет способность принять решение в ситуации неопределенности, что представляет собой, своего рода, риск.

В результате проведенного исследования, с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни ($p > 0,05$), нами получены результаты, также свидетельствующие, что различия уровня признака в сравниваемых группах статистически не значимы ($U_{\text{эмп}} = 174$ при критическом значении U -критерия Манна-Уитни при заданной численности сравниваемых групп 112).

Выводы. Из данных нашего исследования, подтвержденных статистически, следует, что первоначально выдвинутая гипотеза об отсутствии различий показателей степени готовности к риску студентов двух групп – направления «психология» и специальности «психология служебной деятельности» не подтвердилась. Степени готовности к риску у психологов и психологов служебной деятельности существенно не отличаются. То, что показатели студентов обеих групп психологической направленности находятся в одном интервале средних значений и не сильно отличаются друг от друга, можно предположительно объяснить тем, что в силу своего возраста и небольшого жизненного опыта большинство студентов пока не сталкивались с критическими и экстремальными профессиональными ситуациями, в которых можно было бы проявить рискованное поведение и уровень готовности к нему непосред-

ственно в реальной деятельности. То есть, мы можем заключить, что на уровне 3-го курса обучения степень готовности к риску у студентов этих двух групп существенно не отличаются. Мы планируем продолжить исследование, рассмотрев возможность сопоставления результатов студентов младших и старших курсов обучения.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН. Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. М.: Азъ Ltd., 1992.
2. См.: Ермакова Н.Б. Риск-менеджмент организации: учебно-практическое пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2008. 380 с.
3. См.: Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. 267 с.
4. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
5. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М., 2003
6. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности, Российский открытый университет. М.: ТОО Горбунок, 1992. 224 с.

READINESS FOR PROFESSIONAL RISK OF STUDENTS OF THE DIRECTION OF PSYCHOLOGY

M.D. Sozinova, V.V. Katunova

Article is devoted to the analysis of readiness for risk of groups of students of psychologists and psychologists of office activity. In it distinctions in degree of readiness for risk depending on the chosen specialty in the direction psychology are considered. The special attention is paid to professional risks of the psychologist. Results of the conducted research of distinctions of exponents of readiness for risk on groups of students of the psychology direction and the specialty «psychology of office activity» by means of a technique of diagnostics of A.M. Schubert showed that at the level of 3 courses degree of readiness for risk at students of these two groups significantly don't differ.

Keywords: risk, risky behavior, readiness for risk, professional risk, students, psychologist, psychologist of office activity.

**ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР,
ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ ПОСЕЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

М.В. Шевякова

12131495@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена исследованию причины посещения социальных сетей. Используется интерпретативный метод "Незаконченные предложения" Дж.М. Сакса и С. Леви. Предлагается четыре группы оценки проблемных сфер личности, которые могут стать причинами посещения социальных сетей.

Ключевые слова: киберкоммуникативная зависимость, самооценка, психология личности, социальные сети, лайки.

В последнее десятилетие, благодаря интенсивному развитию информационных технологий, психологическое сообщество может наблюдать тенденцию перехода реальной социальной среды в виртуальную. В первую очередь это касается коммуникативной сферы жизни личности, в которой она приобретает бесценный опыт взаимодействия с другими людьми.

В процессе использования социальных сетей пользователь сам не замечает, как настоящие человеческие отношения заменяются "лайками" и "смайлами", а реальные встречи переписками и групповыми "чатами". Он избегает трудностей общения, считая это удобным, но вместе с тем теряет многие важные элементы при построении любых отношений, которые можно адаптировать в виртуальные.

При теоретическом анализе литературы была обнаружена одна из серьезных современных проблем общества в связи с социальными сетями – киберкоммуникативная зависимость как особый вид интернет-аддикции [1]. Несмотря на то, что ученые всего мира не готовы признать киберкоммуникативную зависимость в качестве психологического заболевания, так как подтвержденных критериев этого заболевания еще нет, нельзя отрицать существование феномена зависимости от социальных сетей, ведь это явление носит глобальный масштаб.

Аддиктивными агентами формирования кибер-коммуникативной зависимости могут выступать некоторые качества личности [2]. Дж. Джекобсон выделил следующие личностные факторы, предрасполагающие к развитию аддиктивного поведения в целом: уязвимость и дефекты в сфере аффективной регуляции, проявляющиеся в неспособности человека успокоить себя и кон-

тролировать свои импульсы; низкая дифференцированность «Я»; неустойчивая или заниженная самооценка; колебания между беспомощностью и всемогуществом своего «Я»; сложности в сфере межличностных отношений, раскрывающиеся в колебаниях между потребностью в причастности, слиянии с кем-либо и разочарованием, отстранением [3].

Целью данной работы было эмпирическое исследование психологических причин посещения социальных сетей и их связь с самооценкой пользователей. Задачами работы было, во-первых, выявление отношения людей к социальным сетям и нахождению в них, а во-вторых, поиск проблем, из-за которых люди стремятся проводить больше времени в социальных сетях и находятся в личности самого человека.

Многочисленные опросы показывают, что в ловушку интернет-зависимости чаще попадают студенты. Для них интернет – это возможность реализовать потребность в коммуникации, не прилагая особых усилий (e-mail, социальные сети, мессенджеры и др.) [4; 5].

Таблица 1.

Анализ опроса выявления причины использования, времени использования и предмета использования социальных сетей.

Вопрос	Выбранные варианты	Процентное соотношение
Количество времени нахождения в социальных сетях в день (переписка, проверка уведомлений, просмотр новостей)	Нахожусь в режиме "онлайн" постоянно, если внезапно не отключается интернет	30,3%
	Больше 5 часов в день	28,7%
	2-4 часа в день	24,2%
	1-2 часа в день	16,6%
Время использования социальных сетей	Больше 7 лет	62,1%
	5-7 лет	30,3%
	1-5 лет	7,5%
Носитель для выхода в социальные сети	Смартфон	74,2%
	Компьютер	25,7%
Наиболее значимые причины посещения социальных сетей	Общение	78,7%
	Самореализация за счет социальных сетей	18,1%
	Новые знакомства	9%

Проанализировав результаты можно сделать следующие выводы:

Во-первых, социальные сети используются людьми уже больше 7 лет, то есть примерный возраст регистрации в них составляет от 11-16 лет, что достаточно рано.

Во-вторых, основной причиной посещения социальных сетей является общение, однако пользователи не заводят там новые знакомства.

В-третьих, диагностировать у этих пользователей киберкоммуникативную зависимость невозможно, так как обозначенных критериев у нее еще нет, однако наблюдается явная тенденция к постоянному пребыванию в социальных сетях и использованию их для общения.

Т а б л и ц а 2 .

Анализ результатов интерпретативной методики "Незаконченные предложения" Дж. М. Сакса и С. Леви, в %

Группа вопросов	Варианты мнений и отношений	Процентное соотношение
Самовосприятие (самооценка, отношение других ко мне, страхи)	Амбициозность (я способен на все / на многое)	53%
	Слабость, одиночество, расстройство	56,6%
	Люди меня не понимают	53%
	Боюсь быть непринятым, одиноким	48,4%
	Люди относятся ко мне хорошо	34,8%
Межличностное взаимодействие (отношения с семьей, отношения с другими близкими людьми, коммуникабельность)	Хорошие отношения с семьей	80,3%
	Семья для меня важна	42,4%
	Друг тот, кто поможет	69,6%
	Друзья относятся ко мне хорошо	56,1%
Социальные сети (причины использования, отношение к социальным сетям, разрешение своих проблем в социальных сетях)	Используют социальные сети: - от скуки - от одиночества	56,1% 37,8%
	Когда мне ставят лайк, я чувствую себя лучше, нужнее и реализуюсь за счет этого	66,6%
	Социальные сети это способ общения и связи	47%
	В трудных ситуациях социальные сети не помогают мне чувствовать себя лучше	34,8%
Отношения в социальных сетях (сексуальные отношения, дружба)	Я думаю, что флирт в социальных сетях ни к чему не приводит	44%
	"Друзья" в социальных сетях – это мусор, знакомые, приятели	41%
	Флирт в социальных сетях позволяет мне почувствовать себя лучше	30,3%
	Мысль о том, что я познакомлюсь с будущим партнером в социальных сетях вызывает у меня беспокойство	22,7%
	Из-за социальных сетей могу воспринимать незнакомых людей как знакомых	21,2%

Поскольку одной из целей исследования было выяснение психологических причин посещения социальных сетей, следующим этапом работы было использование методики "Незаконченные предложения", которая является вариацией техники словесных ассоциаций. Нами были разработаны варианты предложений, которые получили экспертную оценку и были использованы в пилотном исследовании, после чего были скорректированы. Метод проводился на интернет-платформе Google Forms. Вопросы были разделены на четыре группы: самовосприятие, межличностное взаимодействие, социальные сети и отношения в социальных сетях. Это позволило провести более подробный анализ мнений и отношения людей к данным группам вопросов (см. табл. 2).

Проанализировав результаты методики «Незаконченные предложения», можно сделать следующие выводы:

В группе вопросов "Самовосприятие" было обнаружено, что пользователи социальных сетей проявляют амбициозность своих целей, однако часто чувствуют свою слабость, одиночество и расстройство. Можно отметить, что у половины испытуемых присутствует страх одиночества и непринятия их другими. Такие результаты можно назвать адекватными, поскольку все люди хотят чувствовать свою принадлежность к обществу, принятие другими и понимание.

В группе вопросов "Межличностные отношения" и "Отношения в социальных сетях" были обнаружены интересные и важные для нашего исследования результаты: большинство пользователей чувствуют себя лучше и нужнее, что реализовываются, когда им ставят лайк к фотографии или посту. Было выявлено, что флирт помогает испытуемым почувствовать себя лучше, хотя они уверены, что ни к чему хорошему он не приведет и относятся к этому несерьезно. Можно сказать, что лайки, комментарии и флирт являются в некотором роде дополнительными "плюсами" к самооценке, которые ее повышают и заставляют чувствовать свою принадлежность к обществу, его одобрение.

Наблюдения практиков и полученные результаты позволяют предположить, что у пользователей социальных сетей наблюдаются явные проблемы в самооценке, поэтому следующим этапом работы будет выявление корреляционных связей между количественными результатами метода "Незаконченные предложения" и результатами исследования самооценки С.А. Будасси. А также можно сказать об очевидной актуальности затронутой темы. Развитие информационных технологий, а в частности развитие интернет среды, открывает психологии двери в новую социальную среду и, соответственно, новую область проблем личности.

Литература

1. Тончева А.В. Диагностика киберкоммуникативной зависимости. 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publ.naukovedenie.ru>. (Дата обращения: 29.03.2017).
2. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Под ред. Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 1. С. 107-110.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. Москва – Воронеж: Ин-т практической психологии, 1997. 352 с.
4. Опросник Кулакова С.А. на выявление интернет-зависимости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psyopodderjka.ru/content/view/85>. (Дата обращения 29.03.2017).
5. Мюррей К. Интернет-зависимость, с точки зрения нарративной психологии // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. АЕ. Войскунского. М. 2000. С. 132-140.

PERSONAL TRAITS AS A FACTOR THAT CONTRIBUTES TO THE USE OF SOCIAL NETWORKING

M.V. Shevyakova

The article investigates the reasons for visiting social networking in person. Interpreted used the method of "Incomplete sentences" John.M. Sachs and S. Levy. There are four groups for evaluation of problem areas of personality, which may lead to the use of social networks.

Keywords: cybercommunications dependence, cyber-relationship addiction, self-rating, personality psychology, social network, likes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипова Анастасия Николаевна – студентка 3 курса направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: А.В. Мигунова, к.с.н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

Воронова Ангелина Александровна – студентка 4 курса отделения психологии, факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

Голубева Инна Геннадьевна – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Социология», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: З.Х. Саралиева, д.и.н., профессор, зав. кафедрой общей социологии и социальной работы ННГУ.

Гурская Валентина Васильевна – студентка 3 курса направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: С.А. Судьин, к.с.н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

Игнатьева Валерия Игоревна – студентка 4 курса направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: И.А. Исакова, к.с.н., старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

Количенко Артем Андреевич – студент 2 курса Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Н.Г. Русакова, к.ю.н., доцент кафедры психологии и педагогики НА МВД РФ.

Корнилова Лидия Андреевна – студентка 4 курса направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: С.А. Судьин, к.с.н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

Костригин Артем Андреевич – аспирант 2 года обучения Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, преподаватель Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, г. Москва. Научный руководитель: В.А. Мазиллов, д.психол.н., про-

фессор, зав. кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Лакомова Анастасия Александровна – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Г.Л. Воронин, д.с.н., профессор кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

Лимонченко Роман Андреевич – студент 4 курса направления подготовки «Педагогика и психология девиантного поведения», факультет психологии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск. Научный руководитель: О.А. Белобрыкина, к.психол.н. профессор кафедры социальной психологии и виктимологии НГПУ.

Макаров Павел Игоревич – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Социология», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Н.Н. Ивашиненко, д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической социологии ННГУ.

Макарова Екатерина Евгеньевна – аспирант 1 года обучения, факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Е.Е. Кутявина, к.с.н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

Морозова Екатерина Александровна – студентка 3 курса направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: А.В. Ермилова, к.с.н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

Муханова Елена Дмитриевна – студентка 3 курса направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: А.В. Соболева, к.с.н., старший преподаватель кафедры прикладной социологии ННГУ.

Плешкова Наталья Борисовна – студентка 2 курса Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Н.И. Мусина, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел НА МВД РФ.

Правделов Сергей Владимирович – аспирант 1 года обучения, факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: А.М. Бекарев, д.ф.н., профессор кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.

- Пузарова Юлия Андреевна** – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Социальная работа», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Б.Л. Цветкова, к.с.н., доцент центра Межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования при ННГУ.
- Семенова Анастасия Михайловна** – студентка 3 курса направления подготовки «Социология», факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Т.Ю. Петрова, к.с.н., доцент кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ.
- Сидельников Владислав Олегович** – студент 2 курса Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Н.И. Мусина, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел НА МВД РФ.
- Созинова Марина Дмитриевна** – студентка 3 курса отделения психологии, факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: В.В. Катунцова, к.б.н., доцент кафедры общей и социальной психологии ННГУ.
- Шевякова Мария Владимировна** – студентка 4 курса отделения психологии, факультет социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. Научный руководитель: Н.Ю. Ярыгина, к.психол.н., старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии факультета социальных наук ННГУ.

НАДЕЖДЫ

Сборник научных статей студентов

Выпуск 11

Научный редактор

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

Подписано в печать 29.05.2017 г. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. Заказ № 443. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37